

Акоп Паронян

Высокочтимые попрошайки

eMatenadaran.

Акоп Паронян

Высокочтимые попрошайки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24430542

Высокочтимые попрошайки:

ISBN 9781772468359

Аннотация

Сатирическая повесть «Высокочтимые попрошайки», написанная в 1888 г., по существу, представляет собой драматическое произведение, переделанное в прозу. Определяя идею своей повести, Акоп Паронян говорит, что он создал её «из желания показать грядущим поколениям плачевное бытие интеллигентов: нашего времени и ужасное равнодушие толстосумов к национальной культуре».

Содержание

1	4
2	15
3	25
4	35
5	45
6	58
7	69
8	81
9	97
10	106
11	114
12	125

Акоп Паронян

Высокочтимые попрошайки

1

В тысяча восемьсот семьдесят... уж не помню, каком, тридцать первого сентября... нет, простите, я оговорился, тридцатого, поелику в сентябре дней всего лишь тридцать, невысокий, дородный мужчина в длиннополом, просторном балахоне, только что высадившийся с трабзонского парохода¹, на пристани Галаты, кряхтя и натуживаясь, вытаскивал из причаленной к берегу лодки свою поклажу.

Видите, как просто я начал? Дабы сделать повествование своё как можно занимательнее и благодаря этому, по выходе его в свет, продать лишних несколько сот экземпляров, я мог бы сказать, что в тот день был сильный холод и шёл проливной дождь, что по направлению к площади Галаты бежала густая толпа народа, что на этой площади полицейские задержали какую-то девицу, что... и тому подобное, но не в пример нашим романистам, ничего этого я не сказал, пото-

---

¹ ...с трабзонского парохода... – Трабзон (Трапезунд), портовый город в Турции.

му что в тот день не было ни холода, ни дождя, ни валившей по улице толпы и никакой задержанной кем-то девицы...

Итак, несколько не колеблясь, примите на веру сию историю – действительный случай, заимствованный из современной жизни.

Наш новоприезжий имел пару больших и чёрных глаз, пару толстых и чёрных бровей, пару длинных ушей и пару... нет, разумеется, лишь один нос, однако ж, он, право, сошёл бы и за два... А выражение лица новоприезжего было такое, что если б господин Вардовян² увидел этого человека своими глазами, то не преминул бы обратиться к нему с вопросом: «Сколько жалованья вы попросили бы, предложи я вам играть на нашей сцене роли идиотов?»

Выгрузив из лодки сундуки и увязанную в чехол постель и расплатившись с лодочником, новоприезжий крикнул носильщика. К нему подбежали сразу пятеро. Не подлежит сомнению, что позови он пятерых, пред ним предстали бы двадцать пять, ибо так уж заведено у нас в столице..

– Тебе в какую сторону, ага? – спросил один из носильщиков, поставив ногу на обвязанный верёвкой сундук.

– Пера, улица Цветов, номер 2.

– Пера, улица Цветов?.. Понятно. Это хорошая улица, – сказал носильщик и, взяв стоявший возле него большой сундук, пустился в путь.

---

² Вардовян – Акоп Вардовян, западноармянский театральный деятель в 70–80 гг. актёр, антрепренёр.

– Улицу Цветов я тоже знаю, – сказал второй носильщик и, схватив другой, не менее вместительный сундук, заторопился в ту же сторону.

– Я каждый день бываю в Пера, – сообщил и третий, и новоприезжий не успел оглянуться, как тот ухватился за его зачехлённую постель, вскинул её на плечо и побежал.

Все эти действия совершились с быстротой невероятной, так что человек в балахоне прямо-таки обомлел; с выражением крайней растерянности он начал озираться по сторонам в надежде увидеть своих носильщиков, которых, однако, уже и след простыл.

– Что за безобразие! – закричал наконец новоприезжий, топоча ногами. – Куда они унесли мои сундуки? Мою постель? Моё добро? Какое им дело до моих сундуков? До моей постели?.. Какие, оказывается, нахалы, эти здешние люди... Что ни увидят, берут и уносят.

– Улицу Цветов мы тоже знаем, ага, дай и нам что-нибудь отнести, – заговорили вдруг и остальные носильщики.

– Да провалитесь вы все вместе с этой улицей Цветов! – ещё пуще закричал новоприезжий, весь красный от гнева.

Оба носильщика, расхохотавшись, медленно удалились, и новоприезжий уж собрался было пуститься в погоню за своими вещами, как к нему подлетел, нервно потирая руки, высокий, темнолицый, с маленькими глазками человек; с насильственной улыбкой на губах, он деликатным манером од-

ною рукою обнял его за талию и спросил:

– Это вы и есть Абисогом-ага? Только что прибыли? На каком пароходе? Как чувствуете себя? Как поживает ваш брат? Хорошо ли идут в Трабзоне наши национальные дела? Почём там нынче хлеб? Был ли на днях в вашем городе ливень?.. Ах, Абисогом-ага! Ах, ах!..

– Да, я и есть Абисогом-ага, только что приехал, на турецком пароходе, чувствую себя хорошо, брат мой также, национальные дела... у нас тоже идут хорошо, хлеб стоит один гуруш... Нет, не было в Трабзоне ливня, – торопливо отвечал человек в балахоне точно с неба свалившемуся незнакомцу.

– Будьте великодушны, простите, вселюбезнейший, что я не смог приехать на пристань. Я знал, мне сообщили из Трабзона, что на этой неделе вы непременно прибудете к нам.

– Я на такие мелочи не смотрю и не обижаюсь.

– Наша столица почтёт за счастье лицезреть такого, как вы, соотечественника... столь одарённого, столь здравомыслящего...

– Мои сундуки...

– Столь честного и благородного...

– Носиль...

– Патриота...

– ...щики...

– Преданного нации, образованного, просвещённого...

– Сунду...

– Добропорядочного...

– ...ки мои унесли.

– Добросердечного, возвышенного...

– В моих сундуках таких вещей не было, – произнёс наконец ошеломлённый Абисогом-ага и устремился вперёд.

– Хоть вы меня и не знаете, но я очень хорошо знаю и вас и всё ваше семейство. Блаженной памяти родители ваш были подписчиком моей газеты. Добрый был человек, нищим в милостыни не отказывал, бедных девушек замуж выдавал, всех, кто обращался к нему за помощью, ублаgotворял. Подобные милосердные люди должны бы жить возможно дольше, но, увы, безжалостная смерть сперва уносит добрых... Оставим, однако, прошлое и поговорим о чем-нибудь другом. Покойно ли вам было на пароходе?

– Очень, очень! Ел, пил, спал, – ответил Абисогом-ага и надал ходу.

– Если б вы сказали, что вам было не так уж покойно, в завтрашнем же номере моей газеты я обратил бы внимание общества на этот факт, – проговорил редактор, ускоряя шаги.

– Благодарствую.

– Скажите мне, пожалуйста, сколько вам лет?

– Сорок.

– Вы, если не ошибаюсь, купец?

– Да... Но коли хочешь паспорт мне выправить, так не хлопочи: у меня один уже есть.

– Вы меня не поняли... В завтрашнем номере моей га-

зеты я извещу читающую публику, что вчера в нашу столицу прибыл достоуважаемый Абисогом-ага, который известен нашим соотечественникам не только как коммерсант... именитый купец, но и как... языковед. Турецкий язык вы, конечно, знаете?

– Не суть важно, всё равно я должен написать, что вы и языковед, и вообще отозваться о вас с похвалой.

– В своей газете ты пишешь про всех, кто приезжает в Константинополь?

– Да, почти про всех, если дело идёт о почтенных соотечественниках.

– А про тех, кто уезжает из Константинополя, пишешь?

– Да, но опять-таки, если это почтенные люди.

– Очень хорошо! Напиши тогда и про меня, я тоже из почтенных. Являюсь в нашем городе хозяином земель, поместий, быков, коров... Не забудь написать и это... – сказал он с таким видом, будто был уверен, что обнародование этих сведений принесло бы ему немалую выгоду.

– Уж не беспокойтесь, извольте, я напишу и об этом... следуя велению справедливости и совести.

– Имею ещё и двух-трёх слуг. Можешь сказать и про них несколько слов где-нибудь в конце своей газеты?

– Почему бы и нет?

– Имею ещё и золотые часы с цепочкой, я их спрятал, чтоб на пароходе не стянул кто. Про эти часы тоже надо сказать? – любопытствовал Абисогом-ага, уже забывший о

своих сундуках.

– Да нет, не стоит.

– Согласен, но всё остальное пропечатай-ка в газете на самом видном месте.

– Я так и думаю поступить.

– Большими буквами пропечатай.

– Уж будьте уверены – самыми крупными.

– А ежели приехал или уехал бедный человек, о нём ведь не пишете, правда?

– Ни в коем случае! Имена неимущих нами никогда не упоминаются.

– Значит, получается, что вы каждый день приходите на это место, разговариваете здесь с приезжающими, и уезжающими богачами и потом печатаете их имена, чтобы все жители Константинополя знали, кто из богачей приехал или уехал... Это хорошо. Стало, и я завтра вечером увижу своё имя в твоей газете, да?

– Да, конечно. Теперь дайте-ка мне ваш адресок, я пришлю вам с курьером завтрашний номер.

– Пера, улица Цветов, номер 2.

– Прекрасно, – сказал редактор и, вынув из кармана лист бумаги, вписал имя Абисогома-аги в какой-то список.

– Пришли мне газету утром, хочу пораньше прочитать своё имя и всё остальное...

– Пришлю вечером, моя газета выходит к концу дня.

– Как бы ты меня обрадовал, если б завтра твоя газета

вышла утром. Но не беда, лишь бы моё имя вы напечатали большими буквами.

– Слово своё сдержу, завтра вечером непременно пришлю вам газету, вместе с квитанцией.

– С квитанцией?.. Но ты же сказал, что с курьером. Кто эта квитанция?

– Квитанция – всего лишь бумага, на которой мною будет написано: получил от досточтимого Абисогома-аги годовую подписную цену... полтора, да, итого полтора золотых... И эта бумага даст вам право целый год получать мою газету.

– Весь год будете печатать моё имя и всё остальное?

– Нет, вы просто станете подписчиком моей газеты, уплатив полтора золотых.

– Полтора – не много ли, а? Три четверти было бы как раз.

– Мы, редакторы, смею заметить, о цене не торгуемся.

– Ну хорошо, пришли мне свою газету и свою бумагу, поладим...

– Однако вы же не думаете, что я поспешил встретить вас здесь из-за этой бумаги? О, нет! Это было бы слишком мелко с моей стороны. Просто я счёл долгом выразить тем самым своё дружеское расположение.

– Известно.

– Неужели вам может вдруг показаться, что этот человек, то есть я, пожелал увидеть вас лишь для того, чтобы выговорить себе полтора золотых?

– Не может, нет.

– Между тем, как это ни прискорбно, есть нищенствующие редактора, которые, с целью ограбления состоятельных новоприезжих, встречают здесь чуть ли не все пароходы... Я этого себе не позволяю... Я хочу жить, как подобает почтенному человеку.

– Понимаю – хочешь жить, как подобает почтенному человеку.

– И о вашем со мною свидании, пожалуйста, никому не рассказывайте, поскольку водятся-таки среди нас жалкие субъекты, своего рода мошенники, которые пишут всякие там дурацкие жизнеописания и в них перемывают мне косточки.

– Понимаю – перемывают тебе косточки.

– Возьмём хотя бы сегодняшний случай. Я счёл необходимым прийти и поздравить вас с приходом, пришёл и поздравил, мы разговорились, и я обещал обнародовать ваше имя в моей газете, вы же, будучи здравомыслящим соотечественником, стали одним из моих подписчиков... Скажите мне на милость, разве я вас принудил подписаться?

– Да нет.

– Наставил на вас револьвер?

– Да нет, зачем же?

– Грозил вам ножом?

– Нет, нет. Но неужели бывает и так, что, когда подписывают кого, револьвером грозятся, ножом пырнуть норовят?

– Вы меня не поняли, прошу прощения. Я хочу сказать

только что вы по собственной воле подписались на мою газету.

– Да, да.

– И что при данных обстоятельствах я не сделал ничего дурного. Напротив, я поступил великодушно, обещав...

– Без сомнения.

– Я же не поступил подобно тем редакторам, которые тотчас берут вас за горло, едва вы сходите с парохода?

– Нет, эти разбойники не имеют никакого права перемыть тебе косточки... Ты положишься на меня.

– Благодарю вас, весьма признателен. Всего вам хорошего, Абисогом-ага, пожалуйста как-нибудь к нам в редакцию на чашку кофе.

– Хорошо, на днях приду. А насчёт завтрашней газеты, стало быть, не забудь.

– Будьте спокойны. – И с этими словами редактор откланялся.

Оставшись один, Абисогом-ага зашагал быстрее и пустился в рассуждения: «Я сам себе не кажусь таким уж большим, каким, видать, кажусь этому редактору. Но, наверное, он лучше разбирается в людях, ведь он редактор и человек учёный... Те, которые завтра увидят в газете моё имя, ясное дело, всполошатся, и каждому захочется прийти ко мне... Поэтому завтра я должен нарядиться в свою воскресную одежду, а также надеть и золотые часы с цепочкой. Напрасно я и слуг своих с собой не привёз. Но откуда я мог знать?.. Завтра

всем станет известно, что в Константинополь приехал один большой человек – благородный, благонравный, благомыслящий, благодетельный, благо... и бог весть ещё какой. И каждая жена мужу своему скажет: «Давай дочь нашу за этого Абисогома-агу выдадим». А муж ответит: «Ещё посмотрим, захочет ли Абисогом-ага на нашей дочери жениться? Скорее он на девушке из богатой семьи жениться захочет». И после такого ответа муж и жена заспорят между собой и раздерутся. Ну и бог с ними... Зато чем больше разговоров обо мне будет, тем быстрее покончу я со своим делом – присватаюсь к какой-нибудь богатой барышне и же...».

Тут Абисогом-ага вдруг осёкся, ибо невзначай столкнулся с вожаком каравана тяжело навьюченных ослов: погружённый в свои мысли, он не обратил внимания на шедших навстречу ему животных, которых на главной улице Пера всегда предостаточно.

– Посторонись, – сказал погонщик-перс Абисогому-аге, повидимому, желая оправдать своего ишака.

– Ты бы это чуть раньше сказал, я и посторонился бы, – проговорил наш новоприезжий и продолжал свой путь.

2

Носильщики не только никогда не видели улицы Цветов, но и слыхом не слыхали об ней, однако, следуя примеру известного разряда людей, которые прикидываются знающими то, чего не знают, и которым в нашей нации несть числа, они взяли на себя смелость сказать Абисогому-аге, что улица Цветов им хорошо знакома.

Эта смелость, а вернее, наглость, конечно же предосудительна, однако куда наглее поступают люди, которые обучались поварскому искусству, а сами подвизаются на поприще критики, или, немного позанимавшись геометрией, разглагольствуют о законах движения звёзд, или, вскормив пару гусей и две пары коров, обсуждают вопросы воспитания, или, произведя на свет одного ребёнка, пускаются в рассуждения о том, на какой именно точке земного шара произошёл первый человек, или, наконец, в разговорах своих порой касаются таких материй, в коих решительно ничего не смыслят. Да, эти люди, безусловно, заслуживают более сурового осуждения, нежели носильщики, потому что критика, или астрономия, или педагогика и прочая отнюдь не то же, что улица Цветов, которую можно легко выучить, то бишь найти, расспрашивая встречаемых. И действительно, носильщики, то и дело справляясь о местонахождении улицы Цветов, нашли-таки эту улицу и вскорости постучались в воро-

та дома номер 2. Замечу мимоходом, что я знаю множество ораторов, которые, проговорив семь-восемь часов, так и не находят искомой улицы и вынуждены блуждать по другим улицам, заставляя тащиться по ним и своих слушателей.

Едва только носильщики постучались, дверь отворилась, и перед ними предстала пожилая женщина с длинным смуглым лицом, которое было сплошь исчёркано временем – точно так, как редактор еженедельника «Масис»³ исчёркивает рукопись в четыре строчки, сообщающую о чьей-то кончине либо о чьей-то женитьбе. Носильщики, переступив за дверь, опустили свои ноши на пол и принялись вытирать физиономии.

– Это вещи Абисогома-аги, конечно? – спросила морщинистая женщина, оглядывая носильщиков.

– Он себя не назвал, – ответил один из носильщиков, обтирая грязным платком голову.

– Какой он с виду?

– На нём был плащ, балахон какой-то.

– Светлый? Тёмный?

– Нет, чёрный.

– Чёрный?

– Да, но хороший, окрутишься – не озябнешь и в лютую стужу.

– Да как ты смеешь! Ты кого это окрутить собираешься? Я

---

³ «Масис» – консервативная армянская газета, издававшаяся в Константинополе с 1852 по 1889 г.; некоторое время выходила раз в неделю.

не из тех дам, которые... понимаешь? – возмущённо проговорила пожилая женщина, подчёркивая каждое своё слово.

– Я ведь ничего худого не сказал... Ну, окрутишься. Ну и что, разве это плохо? – отвечал носильщик, расстилая на стуле намокший платок.

– Плохо, хуже всего на свете...

– Не знаю. Этакие хитроумные штучки в моей голове не укладываются.

– Сейчас я уложу. Скажи-ка на милость, ты знаешь меня?

– Если б ты окрутилась, разве повредила б себе?

– У меня есть муж!

– Одно дело – муж, а другое дело – он. Ведь он греет! Скажем, захотела ты вдруг зимой среди ночи на двор выйти, – не мужа ведь на спину себе набросишь, а его.

– Абисогома-агу?

– Балахон, хозяйка, балахон!

– Значит, ты всё время про его пальто говорил?

– Разве я о чём-то другом говорил? А ты думала, не про балахон?

– Думала, говоришь, что я могла бы с Абисогомом-агой окрутиться, обвенчаться, значит.

– Господи! Ах, ты, господи! – завздохнул носильщик и сдёрнул со стула платок.

Удовлетворившись столь убедительным объяснением носильщика, пожилая дама повелительным тоном распорядилась:

– Постель и сундуки снесите наверх.

Носильщики с покорностью взяли вещи Абисогома-аги в руки и едва ступили на лестницу, как хозяйка дома закричала:

– Вы что, из деревни пришли?

– Нет, с главной улицы.

– Знаю, а если не из деревни, как же вы в таких башмаках наверх поднимаетесь?

– Других башмаков у нас нет.

– Чего уставились на меня? Чего не разуаетесь?

– Не кричи, хозяйка, не глухие мы, сейчас разуемся.

И они сняли свои драные башмаки, которые оказались куда чище ног.

– И с этими ногами хотите наверх взобраться? – снова запротестовала хозяйка.

– Других у нас нет, – ответили носильщики с таким жалким видом, будто по причине своей бедности они могут иметь только по две ноги, в то время как у богачей по четыре ноги, а то и по пять или шесть.

– Спускайтесь! Поставьте всё на пол! Я сама отнесу.

– Так будет ещё лучше.

– Ах, во всём виноват мой муж... На службу не ходит, а по целым дням в кофейнях посиживает, про национальные дела тараторит, не видит, в каком я положении... Вот я и вынуждена постояльцев держать... – проворчала про себя хозяйка и, схватив лежавшую у порога мокрую тряпку, начала

вытирать ступеньку лестницы.

– Нам ждать, хозяйка?

– Был бы он с головой, – продолжала она про себя, – жила бы я сейчас, как царица. Благо ни детей не дал нам бог, ни домочадцев... Одно у него на уме – квартальный совет⁴... Только и делает, что или помогает кому-то войти в этот совет, или, наоборот, помешать старается... Пропади они пропадом, эти члены совета! От них все наши беды... Тебе не всё ли равно, чудак ты этакий, кто в совете твоём сидит? Ты, что ли, за дела наши национальные в ответе? Ну и ну!

– Хозяйка, дай нам наши деньги, и мы уйдём, не будем здесь торчать, – сказали носильщики.

– Приходите завтра, – ответила хозяйка, и носильщики, давно уже привыкшие к слову «завтра», молча вышли.

– Носится с этим своим советом, – снова заговорила расстроившаяся женщина, – и всё некогда подумать хотя бы, что человеку, кроме хлеба, и мясо полагается, и масло полагается, и рис; ему ещё и уголь, и дрова нужны, без них тоже не обойдёшься... Обо всём этом он и слышать не хочет, благоверный-то мой, уходит чуть свет, возвращается вечером... Вот гость приехал, сейчас явится, ну, известно, поесть захочет, и, значит, чем-то накормить его надо, а у нас хоть шаром покати, потому что супруг мой ни кусочка мяса или рыбы какой домой не приносит. Кроме рассказней про совет да

---

⁴ Квартальный совет – основная ячейка органов самоуправления турецких армян, избирался армянским населением квартала.

про его членов, ничего в этом доме нет. Каждый вечер...

Нарекания и жалобы хозяйки тут прервались, ибо дверь распахнулась, и в дом вошёл человек лет семидесяти и, улыбаясь, отвесил поклон. Этот человек был её супругом. Его морщинистый, с залысинами лоб чрезмерно выдавался вперёд, глаза помигивали, и вид у него был такой, словно кто-то его щекочет.

Не успел супруг переступить порог, супруга спросила:

– Это где же ты был до сих пор, божий человек?

– Дела, дела, жена, конца им нет... Ведь в воскресенье голосование, и мы надеемся, что в совет почтенные люди пройдут... Сегодня Торос-ага привязался ко мне, угостил меня водкой и стал уговаривать, чтобы я за угодных ему людей голос отдал; но я за моих людей голос отдам, потому что они каждый день угощают меня водкой, и люди порядочные, не станут, как другие, красть из кассы совета деньги.

– Ладно, ладно, потом расскажешь, сейчас ступай в лавку да купи кусок мяса...

– Торос-ага немного обиделся и больше уже не будет играть со мной в искампиль⁵. Ну и пусть...

– Я что тебе сказала? Иди, не задерживайся.

– А я с дьячком Мартиросом буду в шашки играть.

– Об этом мы и после поговорить успеем, Манук-ага, пойди купи у мясника кусок говядины да поскорей возвращайся.

– А знаешь, что с дьячком Мартиросом стряслось? Жена

---

⁵ Искампиль – карточная игра.

у бедного нынче ночью чуть было не умерла.

– Как? Почему?

– Родила, но с большим трудом, четыре повитухи и, говорят, шестнадцать докторов принимали младенца.

– Несчастливая женщина.

– Завтра сходи проведай её.

– Пойду, а ты пока сделай, бога ради, это дело – достань мяса.

– А это обязательно – за мясом, на ночь глядя, идти?

– Обязательно. Постель и сундуки, Абисогома-аги только что принесли, сейчас и сам пожалует.

– Ты правду говоришь, жена?

– Зачем же мне неправду говорить?

– Прекрасно, пойду, значит, куплю кусок отменного мяса; одна нога здесь, другая – там.

С этими словами Манук-ага открыл дверь и быстро вышел, но только что он прошёл несколько шагов, жена вдруг закричала:

– Манук-ага! Манук-ага!

Старик остановился.

– А как мясо сварим?

– Можно с картошкой, можно и с фасолью.

– Хватил куда! У нас и угля нет, купи немного.

– Хорошо, – сказал Манук-ага и засеменял.

– Манук-ага! Манук-ага! – снова позвала жена.

Старик остановился.

– Хорошо-то хорошо, но одним мясом не обойтись, купи и рису.

– Верно, жена, куплю и рису.

На этот раз Манук-ага пустился бегом, и он уже сворачивал за угол, когда жена во всю мочь крикнула ему вслед:

– Манук-ага!

Старик – делать нечего – пошёл обратно, и игравшее до сих пор на его лице выражение радостного возбуждения вдруг погасло.

– Чего тебе ещё? – спросил он жену, войдя в дом.

– Несёшься, мил-человек, точно паровоз, голос я надорвала... Дома и лука нет, даже соль вся вышла, купи и керосину, или свечей, не в темноте же гостя за стол усадим?

– Верно, жена, но ты сразу бы всё сказала, чтобы я прямо к бакалейщику пошёл.

– Забыла сказать, что надо бы и графин для воды купить... Нечем повязать себе голову... Нечего надеть себе на ноги... Как же мне в таком вот виде Абисогома-агу принимать?

– Давай, жена, сегодня о еде позаботимся, об остальном уж завтра подумаем, – сказал Манук-ага и с силой потянул за дверную ручку.

– Манук-ага! Манук-ага!

– Кричи хоть до утра, больше не ворочусь, – проворчал Манук-ага и выбежал на улицу.

Он был уже довольно далеко от дома, как вдруг услышал окликавший его женский голос.

– Делать тебе нечего, вот и орёшь на весь квартал, – сказал про себя Манук-ага и даже не обернулся.

– Манук-ага!.. – выкрикивал голос, но теперь это был голос не жены старика, а десятилетней дочери дьячка Мартироса.

Старик шёл не оборачиваясь, и дочь дьячка Мартироса, которая минутами переходила на бег, вскоре начала нагонять его. И когда расстояние между ними сократилось шагов до десяти, бедняжка запыхалась так, что смогла лишь выдохнуть:

– Манук...

Старик опять не отозвался, и девочка, совсем уже выбившись из сил, пробежала ещё несколько шагов и невольно ухватилась за полу его пиджака.

– Оставь меня, жена, – прошептал Манук-ага, не оборачивая головы.

– Я должна что-то сказать...

– Мне некогда слушать, ты и без того уже столько наговорила, что всего не упомнишь.

– Я хотела спросить, где живёт кормилица.

При слове «кормилица» Манук-ага очнулся и, увидев дочь дьячка Мартироса, спросил её:

– Ахавни, это ты сейчас за мной бежала?

– Да... я, – ответила Ахавни и перевела дух.

– Как мать?

Ахавни никак не могла отдышаться.

– Я спрашиваю, как твоя мама? Случилось что-нибудь?
Девочка изнемогала от усталости.

– Господи, нашла время пыхтеть! Говори же, как чувствует себя мама?

– Ма...ма хо...ро...шо, маль...чик не хо...чёт брать грудь... нуж...но най...ти кор...милицу.

– Ну всё, всё, ладно, дочь моя, теперь беги домой, кормилицу я пришлю.

Ахавни попрощалась с Мануком-агой, и старик тут же отправился на поиски кормилицы.

Дабы не наскучить читателю, я также расстанусь с Мануком-агой, который на каждом шагу будет встречаться со своими знакомыми и рассказывать им или о выборах в квартальный совет, или о мучительном разрешении жены дьячка Мартироса, или о приезде Абисогома-аги в столицу.

3

У нас давно ведётся, что многие из уезжающих во Францию или в Германию для продолжения образования, возвратившись на родину приезжают в нашу столицу, чтобы подыскать себе невесту. Абисогом-ага, как мы уже говорили, приехал в Константинополь именно с этой целью. Читатель помнит также, что Абисогом-ага настолько был поглощён вопросом своей женитьбы, что не заметил шедшего к нему навстречу ишака и столкнулся с ним. Нас могут спросить: а ишак, столкнувшийся с Абисогомом-агой, тоже собирался жениться, коль скоро прямо перед собой не увидел такого крупного пешехода? Те, кто более или менее знаком с историей, знают, вероятно, что ишаки, один из предков которых во времена оны лицезрел ангела, нас, смертных, решительно ни во что не ставят и хотят, чтоб мы всегда беспрерывно уступали им дорогу. Ежели б Абисогом-ага был сведущ в истории или хотя бы не думал в тот момент о женитьбе, он, несомненно, посторонился бы при встрече с этими существами, которые к тому же, благодаря своим ушам, имеют честь быть представителями царя Мидаса...

Расставшись с ослами, Абисогом-ага стал обращаться к встречным прохожим, осведомляясь о местонахождении улицы Цветов, – дом, где ему рекомендовал остановиться один его трабзонский приятель, находился на упомянутой

улице. Этот приятель неделю назад и уведомил письмом Манука-агу, что Абисогом-ага намерен некоторое время жить у него... Абисогом-ага, согласно ответам прохожих, переходил из одной улицы в другую, иногда по рассеянности забредал в тупики и, натурально, с одной стороны, сердился, а с другой – опасался, как бы носильщики не исчезли вместе с его постелью и сундуками, хотя и был наслышан об их порядочности.

Проблуждав более часа по улицам Пера, Абисогом-ага наконец всё же попал на улицу Цветов, которую, к слову сказать, не следует путать с одноимённой улицей, сгоревшей во время пожара в Пера в тысяча восемьсот семьдесят... не помню уж, каком. А называлась она улицей Цветов потому, что на ней под окнами всех домов круглый год красовались клумбы.

– Номер 2 который? – обратился наш новоприезжий к супруге Манука-аги, ожидавшей у ворот своего дома прихода мужа.

– Этот и есть. Добро пожаловать, Абисогом-ага.

– Сундуки и постель принесли?

– Принесли, Абисогом-ага, пожалуйста в дом. Если желаете немного отдохнуть, посидите пока вот в этой комнатке, сказала хозяйка, показывая рукой на маленькую каморку в нижнем этаже.

– Устал я, там и посижу.

– Воля ваша, Абисогом-ага, наш дом – ваш дом, распола-

гайтесь.

– Благодарствую.

Абисогом-ага вошёл в комнату в сопровождении хозяйки дома, державшей в вытянутой руке гаснущую лампу.

– Как живёте-можете, Абисогом-ага? Как ваши домашние?

– Ну и слава богу. А как детки ваши, Абисогом-ага? Небось уж в школу ходят?

– Детей не имею.

– Что супруга ваша поделявает?

– Супруги у меня нет.

– Вы неженатый, Абисогом-ага?

– Да.

– Вот и прекрасно, подыщем здесь для вас хорошенькую барышню, и сделаетесь вы, Абисогом-ага, константинопольцем.

– Я тоже подумываю... но сперва пообедал бы я, с утра ни крошки во рту не было.

– Прекрасно, прекрасно, Абисогом-ага, сейчас принесу вам поесть.

Хозяйка вышла из комнаты гостя и, открыв входную дверь, стала у порога, в надежде, что Манук-ага, который, как известно читателю, отправился искать кормилицу, вот-вот вернётся.

Оставшись один, Абисогом-ага взял в руки лежавшую на подушке толстую книгу «Щит духовный» и принялся её пе-

релистывать, но поскольку наголодавшийся человек не в состоянии читать книгу, как не в состоянии и писать книгу, то он положил «Щит духовный» на место и начал, вздыхая и охая, ходить из угла в угол.

– Умоляю вас, Абисогом-ага, почувствуйте себя как дома, – сказала хозяйка, входя к гостю, – и ни о чём не беспокойтесь.

– Я и не беспокоюсь, только вот голоден я, пообедать хотел бы.

– Обед варится, сейчас пойду принесу, – сказала хозяйка и снова пошла и встала у порога.

– Что за женщина! – произнёс Абисогом-ага, как только та закрыла за собой дверь. – Морит меня голодом и сама же просит, мол, ни о чём не беспокойся. Но какое же спокойствие может быть у голодного человека?

– Считайте, что я будто сестра ваша или дочь ваша, – сказала шестидесятилетняя супруга Манука-аги, снова входя к гостю. – Не стесняйтесь, если хочется чего, скажите – я принесу.

– Благодарствую...

– Я делаю всё, чтобы мои гости не чувствовали в этом доме никакого стеснения.

– Понимаю, но, кроме обеда, сейчас мне ничего не нужно.

– Обед вот-вот доварится, не беспокойтесь, умоляю...

Хозяйка продолжала бы эти переговоры, но в это время входная дверь скрипнула, и она поспешно вышла, чтоб

взять у супруга принесённые им покупки и наконец... сварить обед.

– Мир дому сему! – громко сказал кто-то, входя в дверь. Как и следовало ожидать, вошедший был священник: в подобных случаях выражение «мир дому сему» обычно употребляют только лица духовного звания.

– Милости просим, святой отец, – ответила хозяйка.

– Как живёте, хозяйюшка, хорошо, надеюсь?

– Слава богу, святой отец.

– Манук-ага недавно встретился мне на улице, сказал, что у вас гость, я и пришёл засвидетельствовать своё искреннее почтение.

– Рада видеть вас, пожалуйста в дом, – сказала хозяйка, показывая рукой на келью, где Абисогом-ага продолжал переживать своё вынужденное голодание.

Священник вошёл.

Абисогом-ага встал.

– Добрый день, Абисогом-ага.

– Добро пожаловать, святой отец.

– Аз грешный, узнав о приезде вашего степенства, спешно явился осведомиться о вашем драгоценном здоровье. Как-во поживаете, Абисогом-ага?

– Хорошо.

– Пусть вам всегда будет хорошо. Да сподобит господь усопших ваших царствия небесного, а здравствующих долголетней жизни.

– Благодарствую. А как ты, святой отец? Всё ли у тебя благополучно?

– Справляйтесь не о нашем благополучии... Спрашивайте, благоприятствует ли время?.. Да бережёт господь богу паству нашу, – когда народ живёт в довольстве, тогда и пастыри его сияют радостью.

– Правда, святой отец, – ответил Абисогом-ага, не спуская глаз с двери, другими словами, всё ещё лелея надежду отобедать.

– Время ныне плохое, душа-человек, и народу приходится трудно, и по этой причине усердие его день ото дня уменьшается.

– Правда, святой отец.

– Но что поделаешь... Можем ли мы исправить это положение? Нет, мы не в силах, и нам остаётся одно – терпеть... И священное писание нам говорит: блаженны кроткие, ибо они обретут покой.

– Воистину.

– И если устанем терпеть, то возропщем... И пророк говорит: возропщете – согрешите.

– Да, да, – подтвердил Абисогом-ага, который не улавливал слов священника и которому присутствие его было в тягость, поскольку, как мы знаем, кроме обыкновенной пищи, пока ничего не хотел.

– Ибо не хлебом единым жив человек, но и словом божьим, – произнёс нараспев священник и, вынув из-за пазу-

хи табакерку, взял двумя пальцами щепотку нюхательного табака, втянул в ноздри, потом поднёс табакерку Абисогому-аге и сказал:

– Угощайтесь, любезнейший.

Абисогом-ага с благодарностью принял табакерку и сделал маленькую понюшку.

– Вы мало взяли, понюхайте, пожалуйста, ещё разочек, нюхательный табак вещь невредная.

Абисогом-ага нюхнул ещё раз – чтобы разговор не затянулся.

– Отчего же вы не понюхаете как следует, Абисогом-ага? – повторился гость.

– Благодарствую, святой отец, нет у меня этой привычки.

– Прошу вас, уважьте просьбу, понюхайте ещё.

«Вот прилип!» – подумал Абисогом-ага и ещё немного понюхал.

– Пророк Давид говорит: жизнь человеческая аки трава...

– Он про табак говорит?

– Нет, он про нас говорит, и мы должны стараться в быстротечной нашей жизни делать людям добро, печься о бедных и иногда молиться за души усопших.

– Ты прав.

– И быть готовыми при первом же зове покинуть сию юдоль.

– Да, да.

– Ваш покорный слуга, однако же, перед тем как уйти,

осмеливается обратиться к вам с просьбой... и надеется, что вы не откажете... Я ведь знаю и много слышал о вашем усердии и благочестии.

– Раз осмеливается, то...

– Да продлит господь над подобными вам ревнителями и благодетелями свои щедроты.

– Благодарствую.

– В следующее воскресенье хочу я отслужить панихиду по усопшим вашим. Простите мне мою дерзость, но я долгом почитаю внушать, что отошедших в вечность мы должны помнить.

– Правильно делаешь, святой отец.

– Итак, коли согласны, скажите, чтобы я сделал распоряжение... Не думайте, что в большие издержки войдёте, обойдёмся и двумя золотыми... Я оповещу в церкви: так, мол, и так...

– Буду благодарен.

– За что, помилуйте, благодарить? Это наш долг.

– А деньги, святой отец, здесь и получи, – сказал Абисом-ага, вынимая из кошелька два золотых.

– Можно и завтра... Я вас не тороплю! – воскликнул священник, протягивая руку.

– Нет, бери.

– Ну, раз настаиваете, возьму, противиться не стану...
Благослови вас бог! Да благоденствует ваш дом, да не истощится ваш кошелёк, да исполнится всё, чего ни пожелаете,

да венчается всякое ваше дело успехом...

Высказав все эти благие пожелания, священник распрощался с Абисогомом-агой и ушёл.

– Ох, наконец-то я избавился! – сказал сам себе Абисогом-ага. – Сколько бед обрушилось на мою голову, как только я попал в этот Константинополь! Не успел спуститься с парохода, напоролся на какого-то редактора; битый час так и сыпал словами, все жилы мне вытянул. Потом, пока я нашёл этот номер два, опять же тысячу мук принял; когда нашёл, обрадовался, думал – вот отдохну, поем чего-нибудь, не тут-то было: хозяйка морит меня голодом, да ещё всё время за-скакивает сюда и просит, чтобы я не волновался... Час от часу не легче. Потом вдруг входит ко мне этот поп, заставляет нюхать табак, заговаривает про своего пророка Давида, берёт у меня два золотых и удирает. Счастливого ему пути!.. И все эти несчастья я перенёс на голодный желудок... Но где же мой обед? Почему его не подают? Неужели придётся и спать ложиться с пустым животом? Господи, что, за наказание!

Чуть горевшая на столике лампа тут, будто нарочно, погасла, и в комнате стало совсем темно.

– Но стесняться уж нечего, – продолжал наш мученик, вышагивая в полной темноте по своей келье, – надо или уходить из этого дома, или позвать хозяйку и взгреть её. В моём городе двое моих слуг по струнке ходили передо мной, минута в минуту стол мне накрывали, каждого слова моего

слушались... Зачем же человеку, который привык, чтоб ему прислуживали, терпеть всё это?!

– Неужели погасла? – спросила хозяйка, приоткрыв дверь.

– Да, потухла, – ответил Абисогом-ага, сдерживая переполнившее всё его существо отчаяние.

– Вы зря волнуетесь, многоуважаемый, это наша забота – следить, чтоб в доме был полный порядок.

– Да, но я проголодался и больше ждать не могу.

– Я же сказала, стоит ли вам беспокоиться из-за пустяков? Я обо всём позабочусь.

Через несколько минут хозяйка сбегала к соседке, вернулась с лампой и осветила келью Абисогома-аги.

4

После появления этого света не протекло и полчаса, как к нашему новоприезжему явился некий молодой человек, который, сказать по совести, и на торговца не походил, и на работника не походил, и на чиновника, и на мастерового, а был, что называется, ни то ни сё. На вид ему можно было дать лет тридцать; помимо украшавших его наружность голубых глаз и рыжеватых волос, у него была длиной в два пальца борода, что в нашей столице является признаком либо траура, либо бедности. Одежда его была так стара, что любитель древностей мог бы заплатить за неё большие деньги. Однако если одеждой своей он отталкивал от себя, то личность его обладала притягательною силой.

– Рад видеть вас! – прокричал этот молодой человек, влетев в комнату и подскочив к Абисогому-аге.

– Что случилось? Чего тебе надо? – спросил Абисогом-ага испуганно.

– Услышав о вашем прибытии, я поспешил сюда, чтобы повергнуть к стопам вашим уверения в моём глубочайшем к вам почтении.

– К моим стопам? Очень хорошо! Клади их на пол... – сказал Абисогом-ага, должно быть, решив, что молодой человек принёс ему домашние туфли.

– Вы изволите шутить?. Благодарю вас, ваше степен-

ство, – сказал гость и, сняв шляпу, вскочил на стол.

Абисогом-ага, поражённый этим зрелищем, нетерпеливо ждал, что же будет делать, стоя на столе, его экстравагантный гость, выкинувший столь удивительное колено.

Молодой человек вытащил из кармана лист бумаги и, вперив глаза в Абисогома-агу, изо всех сил выкрикнул:

– Дамы и господа!..

Испугавшись ужасного голоса трибуна, Абисогом-ага подпрыгнул на два локтя и, потеряв над собой власть, завопил:

– Кто он такой? Сумасшедший, которого нужно отправить в сумасшедший дом?.. Или он сбежал из сумасшедшего дома?

– Армянская нация, – так начал молодой человек, чуть понизив голос, – сегодня должна устроить чествование храбрейшему из наших национальных богатырей...

– Что взбрело тебе в голову, братец?

– Были времена, когда говорили: да, ныне тьма борется против света, невежество против науки, прошлое против будущего, повелительное против изъявительного, ненависть против любви, меч против пера, огонь против воды, мясо против овощей... Те времена прошли, теперь они прошлое, мы будущее, они тьма, мы свет, они меч, мы перо, они ненависть, мы любовь, они огонь, мы вода, они мясо, мы овощи, они огурцы, мы яблоки, они шипы, мы розы... Прошли те времена, когда человечество качалось в колыбели предрассудков...

– Что это ты, братец, задумал? Я ведь тебе никакого зла не сделал. Чего ты ко мне привязался? Ступай скажи все эти слова тому, кто тебя обидел.

– Да, человечество мучалось, его безжалостно угнетали, и оно не ведало, куда идти и кому жаловаться...

– Помилуй меня, господи, – сказал сам себе Абисогом-ага. Конечно, я мигом бы сбросил его со стола, но боюсь: а вдруг вытащит, разбойник, из-за пазухи револьвер – и пальнёт, слишком уж сердито он речь держит.

– И только тогда, – продолжал вития, – когда науке удалось взять верх над суеверием, а свету – над тьмой, а перу – над мечом, а любви – над злобой, а грядущему – над минувшим... только тогда, говорю я, только тогда все мы поняли, что слова «человечество», «нация», «родина» существуют не для словарей, а являются словами, которые должны быть навечно вписаны в мозг и в сердце каждого смертного...

– Умоляю тебя, братец, слезь со стола, внизу вот и расскажешь, отчего у тебя душа не на месте.

Молодой человек говорил без пауз и при этом дрожал и трясся как, что Абисогом-ага нет-нет и замирал от страха: ну, как грохнется лампа со стола и разобьётся? И, более не желая терпеть самозванного оратора, он вскинул голову и изо всей мочи закричал:

– Спустись сейчас же!

– Умоляю вас, не гневайтесь на меня.

– Спустишь, или я!..

– Ах, не делайте больно человеку, чьё сердце принадлежит нации.

– Коли хочешь сказать мне что, слезь, пожалуйста, сядь но человечески рядом, ну и толкуй своё.

– Умоляю, разрешите мне закончить... Ах, вы не знаете, как я волнуюсь, когда произношу монологи!

– Слезь!

Оратор наконец спрыгивает со своей трибуны и садится на стул.

– Так... А теперь, признайся, пожалуйста, зачем ты пришёл? – спрашивает Абисогом-ага в раздражении.

– Умоляю, не злитесь.

– Чего ты хочешь? Ну, слушаю.

– Не обходитесь со мной так грубо, мне очень грустно, сейчас я за...заплачу.

И действительно, оратор ударяется в слёзы.

– Почему ты плачешь, братец?

– Да потому, что ваш покорный слуга – литератор, и он страстно желает служить своей нации, а эта нация платит своим литераторам неблагодарностью.

– Но виноват же не я...

– Вы правы, не вы тому виною, но... У меня есть стихотворения, которые я посвятил родине... Прелестные куски... заветные строки, где воображение, вдохновение, страсть, огонь и пламя так и рвутся в небо.

– А что, это плохо? Ты поэтому плачешь?

– Наша нация, всемилостивейший мой, не знает цены моим стихотворениям; за ребячество, видите ли, их почитает, и потому наш брат-стихотворец обречён голодать.

– Но причём тут я?

– Умоляю, будьте со мной ласковы.

– Но чем я могу помочь тебе?

– Я хотел попросить...

– Проси скорей.

– Не кричите же на меня, ради бога, вот опять заплачу.

И стихотворец снова расплакался.

– Господи, пошли мне терпение, – взмолился Абиссогом-ага.

– Я пришёл попросить... я прошу помочь... чтоб моя только что произнесённая речь была напечатана.

– Так напечатай! Кто тебя держит?

– Я прошу, ваше степенство, оплатить издание этой речи и... некоторых других моих сочинений.

– Не понимаю. Почему за твои речи должен платить я? Слыхано ли дело, чтобы один печатал ради своей выгоды книги, а деньги за это платил другой?!

– Умоляю, поймите!.. Душа моя и так уязвлена... Не наносите ей новую рану.

– Я никого не хочу ранить, оставь меня, братец, прямо беда мне с тобой.

– Знаете ли вы, как тяжело литератору слушать такие сло-

ва?!

– Не знаю. И знать не хочу.

– Сердце поэта весьма чувствительно, порой даже одно неосторожное слово может ранить его... У меня есть стихотворение, написанное на эту тему, послушайте вот...

– Некогда мне, мил-человек, слушать твои куплеты.

– Умоляю вас, не относитесь так холодно к моим стихотворениям. Творение, которое вы не хотите слушать, я создавал два месяца, и всякое невнимание к нему оскорбляет моё достоинство... Не говорите же о моём создании ничего дурного, позвольте мне прочесть его вам...

– Я приехал сюда не для этого.

– Хорошо... тогда займёмся одной моей трагедией.

– Не хочу. Я кушать хочу, я не обедал.

– Хорошо, тогда я произнесу слово о еде.

– У меня нет времени.

– Умоляю, впредь никогда не говорите «у меня нет времени». Нет ничего более обидного для автора, возымевшего желание прочитать кому-нибудь свой собственный труд. Прошу вас, относитесь к авторам сочувственно.

– Хочешь сесть мне на шею?

– Не смейтесь надо мной. Зачем же мне на вашей шее сидеть?

– Или, может, отдать тебе свой кошелёк?

– Нет, нет, я говорю лишь о плате за издание моих речей

и...

– Сколько тебе для твоего дела денег нужно?

– Всего четыре золотых, для вас это, разумеется, пара пу-
стяков, зато вы станете, таким образом, моим меценатом, и
ваше имя будет стоять на первой же странице книги.

– На первой странице?

– Да!

– А зачем на первой?

– Чтоб каждый знал, что книга напечатана за ваш счёт.

– Это хорошо, – ответил Абисогом-ага, вытащил из ко-
шелька четыре золотых и отдал их автору.

Наговорив тысячу любезностей, молодой человек ретиро-
вался к дверям. Однако Абисогом-ага остановил его:

– А нельзя ли напечатать на первой странице также и име-
на моих слуг и сообщить нации, что Абисогом-ага имеет в
своём родном городе столько-то коров, овец, ишаков?

– К сожалению, ваш перечень относится к идиллическому
жанру.

– Не понимаю.

– Об этих вещах пишутся стихотворения, которые на-
зываются идиллическими. Если желаете, я сочиню для вас
идиллию.

– На что мне она?

– Напечатаете в какой-нибудь газете.

– Напечатают?

– Ещё бы! Если же дадите ползолотого, сорок раз напеча-
тают.

– Согласен, сочини это самое стихотворение, как бишь его...

– С превеликой радостью.

– Но чтоб хорошее вышло.

– Уж поусердствую.

– Чтоб каждому, кто прочитает, понравилось.

– Конечно.

– Завтра утром принесёшь?

– Завтра утром? Что вы! Еле за Месяц управлюсь.

– За месяц?

– Не раньше. Это читать – легко, а писать – трудно. На сочинение красивой идиллии по меньшей мере два месяца требуется.

– Да что ты!

– Но я постараюсь успеть за месяц.

– Оказывается, вон оно что.

– А вы как думали? Иной раз месяца два прождёшь, пока муза придёт; без музыки, вы уж поверьте, стихотворения не напишешь.

– А ежели вдруг не придёт твоя эта муза?

– Непременно придёт.

– А нельзя ли отписать к ней: приходи, мол, скорее, дело до тебя.

– Она сама явится, дайте срок, достоуважаемый Абиссогом-ага.

– А где она находится, очень далеко?

– Очень далеко, но явится.

– Посуху будет добираться или морем?

– Нет, нет, ваша милость...

– Может, и сам не знаешь, где она запропала?

– Как не знать, ваше степенство.

– А то пообещаем дать ей два-три золотых, авось тогда раньше заявится, на этой неделе, а?

– Да, конечно... Как только вы изволите дать два-три золотых, дело намного ускорится, и, уверен, муза на этой неделе и объявится, – в предвкушении двух-трёх золотых мгновенно приободрившись, бойко отрапортовал поэт без музыки.

– Напиши, значит, музе: Абисогом-ага, дескать, хочет видеть тебя и кланяемся.

– Слушаю. До свидания, господин Абисогом-ага, благодарю вас... Имею честь быть вашим покорным слугою и прошу принять...

– Нет, – сказал Абисогом-ага, – слушать больше не буду, я уж, кажется, все твои речи принял... Устал я.

– Примите уверения в моём глубочайшем уважении...

– Хорошо, хватит, принимаю.

И поэт распростился со своим меценатом, обещав за два золотых немедленно доставить свою музу, которую некоторые нанимают по ещё более низкой цене. Ныне муза поэта зарабатывает меньше плотника.

Как вы, вероятно, заметили, всякий раз, когда кто-нибудь давал Абисогому-аге слово упомянуть о нём в газете или

оповестить в церкви о его приезде, он забывал, что он голоден и, более того, вытаскивал кошелёк и вспомоществовал каждому, кто обязывался популяризовать его имя. Тщеславие – этот своего рода голод – многие утоляют деньгами. Тщеславное желание увидеть своё имя в газете, которое одни считают манией, а другие тщатся возвести на ступень добродетели, и которое наблюдается почти во всех кругах нашего общества, теперь владело и Абисогомом-агой, и вследствие этого с уходом поэта он начал размышлять об обещанном ему стихотворении, вместо того чтобы продолжать испытывать муки голода.

– Неужели, – спросил он себя, – в стихотворении всё так и получится, как мне хочется?.. А правда, что у этого человека, которого я сейчас благодетельствовал, есть какая-то муза?.. И будет ли она через несколько дней здесь?..

На этом мысль Абисогома-аги прервалась, ибо хозяйка дома открыла дверь и сказала:

– Обед подан, пожалуйста к столу.

По турецкому времени было четыре часа ночи⁶.

---

⁶ По турецкому времени – исходной точкой турецкого времени являлся заход солнца, который соответствовал 12 часам ночи.

Против кельи, где Абисогом-ага нёс бремя своей епитимьи, имелась небольшая комната, которая сообщалась с кухней и служила столовой. В эту комнату и прошёл Абисогом-ага вместе с хозяйкой дома. Войдя в столовую, он тихо поздоровался с Мануком-агой, расставлявшим в этот момент стулья, и подвинулся к столу.

– Пожалуйста вот сюда, Абисогом-ага, – сказал Манук-ага, показывая гостю на стул во главе стола.

– Садитесь и вы, я тоже сяду, – отвечивал гость, располагаясь на отведённом ему почётном месте.

– Извините нас, пожалуйста, что мы так опоздали с обедом. С завтрашнего дня будете обедать вовремя. Вы и сегодня отобедали бы вовремя, если б не некоторые обстоятельства... Об этих причинах я расскажу позже... Ну, как чувствуете себя, Абисогом-ага? Надеюсь, вам у нас спокойно? – заговорил Манук-ага.

– Да, спокойно.

– Благодарю. А как наш трабзонский приятель поживает?

– Хорошо. Послал тебе поклон.

– Спасибо и ему и вам... Предложу-ка я вам рюмочку водки. Пропустите? Раздражает аппетит.

– Только одну.

– Одну так одну.

Манук-ага протянул Абисогому-аге рюмку, который одним духом и проглотил её – разумеется, водку, а не рюмку.

– На доброе здоровье, Абисогом-ага.

– Благодарствую.

– Ваше здоровье.

– И за твоё здоровье.

Манук-ага помедлил, затем долил рюмку водой и выпил её в четыре приёма.

– Пока супруга разогреет и подаст, мы с вами можем побеседовать, скоротать время. Согласны, Абисогом-ага?

– Согласен, – произнёс гость тоном, который мог означать только одно: было бы куда лучше прежде поесть, а уж потом поговорить.

– Послушайте, значит, какие нынче произошли со мной истории. Вот уж несколько недель кряду мы всё о выборах в квартальный совет хлопочем. Вы сейчас, возможно, скажете про себя: на кой тебе, божий человек, этот ваш совет сдался? Не твоя забота... Ошибаетесь, Абисогом-ага! Если дела нации не касаются ни меня, ни тебя, ни его, тогда кого же они касаются?! «Не твоя забота» – это плохие слова. Те, кто следует им, в стороне держатся, и, стало, нации своей не служат. По-моему, каждому из нас надлежит по мере сил своих способствовать нации в её делах... Ещё одну выпьете, Абисогом-ага? Для аппетита.

– Не имею привычки пить больше рюмки.

– У нас рюмки маленькие, притом и воздух в Константи-

нополе благоприятствует.

– Ладно.

Сотрапезники пропустили ещё по одной рюмке за здоровье друг друга, и Манук-ага затараторил.

– Сегодня утром, – начал он так, – заглянул я на наш бульвар, и встретился мне там один из моих старых приятелей – Мелкон-ага. Этот Мелкон-ага сперва был женат на дочери Бартохимеоса-аги, того самого Бартохимеоса-аги, на которого некогда пальцем показывали – как на человека доброго, гостеприимного, человека набожного и большого патриота... И держал он несколько лапок на базаре, которые давали ему солидный доход. Через несколько лёг жена Мелкона-аги, дочь Бартохимеоса-аги, умерла, и он женился на дочери шорника Никогоса. У этой дочери четыре брата. Один из них у Дмбакума-аги писарем служит. А уважаемый Амбакум-ага имел одного сына, который только и знал, что проматывал и проигрывал отцовские деньги и в конце концов укатил в Россию. А он – этот молодой человек, уехавший в Россию – не кто иной, как внучатый племянник сестры епископа Маркара. Другой её брат – ювелир, высокого роста, красивый такой из себя мужчина. Третий брат – тот долго всё бездельничал, впал в бедность, голодной смертью чуть было не умер, но потом ему повезло: был избран в члены квартального совета и года за два стал на ноги... Что же до Мелкона-аги, то он, коротко говоря, некоторое время прожил тихо, спокойно, но впоследствии – счастье не вечно – обрушились

и на него одна за другой беды, и он разорился вконец. Как-нибудь вечером приведу его сюда, и вы увидите, какой это добрейшей души человек. У него есть брат, отличный часовщик, когда-то в Беюк-тере проживал, потом несколько лет в Скутари, затем в Кум Капун перебрался, но недолго побыл и там, а где он сейчас – не знаю. Однако, повторяю, мастер он хоть куда. Торос-ага, к примеру, лишь одному ему свои часы доверяет... Вы не знаете Тороса-агу? О, это оригинал! Расскажу-ка я вам одну историю, и вы убедитесь, что едва где на свете сыщется личность, как он.

– Суп подавать? – спросила хозяйка, просунувшись в полуоткрытую дверь.

– Немного потерпи, жена, дай мне досказать... Неправда ли, Абисогом-ага, ведь и поговорить приятно? Но если у вас нет времени, или я забил вам голову своими историями, то...

– А? Но...

Абисогом-ага остановился на полуслове, ибо Манук-ага тут выказал нетерпение и начал рассказывать про Тороса-агу.

– Этот Торос-ага простой скорняк, живёт себе со своей семьёй – ни хорошо ни плохо. Все покупки по хозяйству, как и по части одежды, то есть гардеробов, и даже провизии он делает самолично, поскольку никому вообще не доверяет... Купит, бывало, Торос-ага у мясника мяса, придёт домой, взвесит его тут же, ну и, понятно, окажется, что несколько там золотников мясник недовесил. Тогда он снова к мясни-

ку, осрамит, оскандалит беднягу и с несколькими золотниками доданного мяса вернётся домой... Такой вот он у нас, не тем будь помянут, чудак. Раз этот Торос-ага решил часы свои отдать в чистку. – Зашёл, значит, к одному часовщику, ну, начал сговариваться и наконец согласился заплатить за всю работу пятнадцать пиастров, но при условии, если часовщик почистит его часы у него на глазах. Поскольку Торос-ага, как я уже заметил, вообще никому не доверяет, не тем будь помянут, он не пожелал оставить свои часы у часовщика и уйти, боялся, чтобы тот не стянул что из часов или не испортил их умышленно, с целью сорвать побольше, как это делают многие часовщики, когда несколько дней подряд просидят без работы... Выставленное Торосом-агой условие, ясно, крайне оскорбило часовщика, и тот возмутился. А вы на его месте не осерчали бы, Абисогом-ага?

– Осерчал бы, – ответил Абисогом-ага, все помыслы которого были поглощены ожиданием супа и который поэтому совершенно не слушал Манука-агу.

– Когда часовщик осерчал, Торос-ага тоже, конечно, разгневался, ну, и сказал тому несколько крепких словечек... Хоть мог и воздержаться, не так ли?

Так, машинально ответил гость опять же утвердительно, дабы рассказ Манука-аги не растянулся и хозяйка подала суп.

Дальше – больше, часовщик выталкивает Тороса-агу на улицу, а Торос-ага не хочет выходить из лавки, говоря, что

такое обращение с его персоной для него унизительно... Вы ведь тоже не вышли бы, да?

– Не вышел, да, – ответил Абисогом-ага, который, конечно же, не знал, откуда и почему бы он не вышел, поскольку, как мы уже сказали, ни одно слово из рассказа Тороса-аги до слуха его не доходило.

– Ну, и начинается потасовка, часовщик даёт Торосу-аге пощёчину, а Торос-ага, верно, сейчас ему икается, даёт часовщику пинка. Думаю, что всякий точно так же ответил бы на оплеуху часовщика... Не правда ли, Абисогом-ага?

– А вы здесь тоже помидорами заправляете? – ни с того ни с сего вдруг любопытствовал гость.

– Помидорами?

– Да, у нас – помидорами.

– Часы? – удивился Манук-ага.

– Какие часы?

– Часы Тороса-аги.

– Что за Торос-ага?

– Как? Значит, вы не слушали мою историю?

– Слушал, ни слова не пропустил, – сказал Абисогом-ага, хотя и вопросом своим относительно помидоров невольно подтвердил, что, пока Манук-ага рассказывал про Тороса-агу, его внимание было приковано к тонкостям приготовления рисового супа. Абисогом-ага, однако, имел все основания не слушать разглагольствований хозяина дома, тем паче на голодный желудок.

Есть люди, которым кажется, что они вправе испытывать твоё терпение, часами докучая тебе своей болтовнёй. Есть и такие, которые способны даже заставить тебя – не тем, так другим способом – слушать их пустопорожние речи; они не ждут, пока им встретится слушатель, но ищут его, и если не находят, то готовы пуститься на последнее средство: нанять подобного слушателя за подённую или даже помесячную плату. Я тоже, случилось, попал им в руки, но я делал вид, будто бы слушаю, а сам думал о чём-то своём и на все их вопросы отвечал утвердительно. На вопрос «Не так ли?» я отвечал «Да, так», на вопрос «Ведь это же справедливо?» я отвечал «Да, справедливо». «Ты прав» отвечал я сразу на вопрос «Разве я неправ?» – лишь бы разговор не затянулся. . . Ещё и в том беда, что иной надоедала может задать и такой вопрос, ответить на который чрезвычайно трудно, поскольку решение этого вопроса, то есть, в сущности, вынесение вердикта возлагается на тебя. Например, окончив свою тираду, докучливый этот Говорун вдруг спрашивает: «Кто Же, следовательно, прав, Маркос-ага или Киракос-ага?»

Рассуди поди, когда, с одной стороны, решительно не имеешь понятия о существе дела, а с другой – не знаешь, кого из названных лиц оправдать, дабы у пустозвона, от речей которого страх как у тебя разболелась голова, не болело сердце. Впрочем, я и здесь нашёл-таки выход из положения, придумав следующие ответы. «Хорошо бы пойти на мировую» – «Да, но кто же из них прав?» – «А! стоит ли связываться с

дурным человеком!» – «Но я умоляю, скажи мне всё-таки, кто же из них прав?» – «Зачем ты, братец, вынуждаешь, чтобы я сказал, кто именно прав, когда это и без того известно, как дважды два?»

Многие этими ответами удовольствуются, но находятся и менее сговорчивые, кои, кажется, не постыдятся предать тебя в руки полиции, если ты не скажешь, что прав Маркос, а не Киракос, или наоборот. Чтобы отделаться от них, обычно я говорю, мол, более не располагаю ни минутой, и задаю стрекача. Но в последнее время я стал замечать, что этот мой ход даже усиливает приступ многоречивости, и раз заядлому одному пустомеле, рискуя быть невежливым, сказал: «Сударь, я согласен слушать тебя два часа, но за это ты должен заплатить два золотых, и если ты предложишь хоть на грош меньше, мы не столкнемся». По счастью, он предложил мне всего ползолотого, я не взял, и мы расстались. Слышно, однако, что этот мой знакомый на днях за четверть золотого сразу двух слушателей нанял. Невольно позавидуешь «Масису», который, вместо того чтобы платить своим читателям, ухитряется брать с них деньги.

Абисогом-ага не последовал моему примеру, и, как вы помните, когда вопросом касательно помидоров изобличил себя в том, что он не слушал-таки Манука-агу, то, желая несколько затушевать свою невоспитанность, сказал: «Слушал, ни слова не пропустил». Хорошо он сделал, спрашивается? Плохо он сделал. На его месте я вот что сказал бы:

«Видишь ли, братец, человек должен знать совесть, особенно когда он говорит, а кто-то его слушает. Вот уже восемь часов я хочу есть и мне нет надобности уточнять, кому и кем приходится Мартирос-ага или там Геворг-ага, сожалею, что часовщик вклеил Торосу-аге пощёчину, а Торос-ага дал часовщику пинка». Так в лицо и сказал бы, и не только обыкновенному любителю молоть языком, но даже и тем архиереям, что из одной любви к многоглаголанию проповедуют по четыре часа подряд и ещё обижаются, если кто из прихожан во время проповеди выходит из церкви. И мне уже раз привелось усостыжить одного епископа. После своей проповеди, длившейся часов пять, он, выйдя из церкви, заторопился куда-то, и я спросил его: «Куда вы, ваше преосвященство?» – «Вспотел так, что должен пойти в келью – исподнее сменить. А вы куда?» – «Домой, мне тоже нужно сменить исподнее».

И с того дня епископ, произнося проповедь, более не размусоливает.

Да, Абисогом-ага не проявил, к сожалению, подобной дерзости, и это позволило Мануку-аге продолжить свой рассказ...

– Помидоры у нас и в суп кладутся, и в некоторые другие блюда, но никоим образом – не в часы, – сказал Манук-ага в смущении.

– Благодарствую. Значит, помидоры, здесь и в суп кладут, вот это я и хотел узнать.

– Вы с помидорами любите суп или без них?

– С помидорами люблю.

– Ну и отлично. Теперь вернёмся к нашему разговору. На чём же мы остановились? Да, на Торосе-аге. Чудной он человек – этот наш Торос-ага, много у него историй, в другой раз расскажу, и опять мы с вами время скоротаем. Но ближе к делу... Встречается сегодня утром Мелкон-ага...

– Несу, несу! Абисогом-ага, ешьте, пока горячий, – проговорила хозяйка, войдя с кастрюлей в руках в столовую.

– Да, неси, давай, я очень проголодался, – сказал Абисогом-ага.

– Милости прошу.

– Благодарствую, – буркнул Абисогом-ага и приготовился есть.

Но едва он поднёс ложку ко рту, как его будто что подкинуло.

– Кажется, суп чересчур горячий, извините, Абисогом-ага, – сказала хозяйка.

– Отпейте глоток воды, Абисогом-ага, – посоветовал хозяин.

– Ничего, пройдёт.

– Вы почему же, мадам, не знаете, горячий у вас обед или холодный? – пожурил супруг жену.

– Сегодня, Абисогом-ага, вам уж, видно, придётся закрыть глаза... на наши недостатки.

– А, пустяки.

– Пока суп остывает, расскажу-ка я хоть сегодняшней

случай, – сказал Манук-ага.

– Манук-ага, не надоедай Абисогому-аге, может, ему и нежелательно вовсе... особенно в такой поздний час.

– Я ж для того и рассказать хочу, чтобы время шло быстрее и гостю не было скучно.

– Отложи на завтра: сейчас, такой уставший, он ведь уже не в силах слушать тебя.

– Я думаю, Абисогом-ага охотно послушал бы мой рассказ о наших национальных делах.

– Я бы послушал, спору нет, – ответил гость, – но, как говорит хозяйка, подождём до завтра, нынче я и впрямь очень притомился.

– Хорошо, пусть будет по-вашему, но история члена нашего квартального совета – просто моё почтение! А уж если бы сам Мелкон-ага рассказал, мы бы со смеху померли.

– Суп остыл, ешьте, пожалуйста, – сказала хозяйка.

Она только что произнесла эти слова, как Абисогом-ага с жадностью набросился на похлёбку.

– Выпьемте ещё по рюмочке водки, Абисогом-ага, – предложил Манук-ага.

– Спасибо, не хочу.

– Мадам, налейте Абисогому-аге вина.

– Манук-ага, ты что это сегодня всё какие-то глупости говоришь? Сколько я знаю, вино к супу не подходит.

– Отчего же? Интересно, понравится ли ему наше вино?

Хозяйка вышла и вернулась не с вином, а с блюдом варё-

ного мяса.

Гость ел с большим аппетитом, так что мясо глотал не разжёвывая.

– Слава тебе, господи, нынче опять наелись, – сказал Абисогом-ага после того, как опустошил свою тарелку; затем, перекрестясь и низким голосом пропев «Отче наш», он выбрался из-за стола и дал понять, что хотел бы вымыть руки.

– После еды вы обязательно моете руки? – спросила хозяйка.

– Если есть вода...

– У нас этой привычки нет, но раз вы моете...

Абисогом-ага помыл руки и, вытерев их, осведомился, где он будет спать.

Хозяйка, взяв лампу, проводила гостя в отведённую ему на втором этаже спальню.

Мы почти определили бы размер этой комнаты, если бы сказали, что длиною она была с Абисогома-агу. Постель была приготовлена у единственного на втором этаже окна, которое смотрело на улицу. Обстановка комнаты состояла из одного стула, квадратного столика, зеркальца, графина с чашкой, расчёски и щётки.

Войдя в комнату, Абисогом-ага воздел руки к потолку и снова восславил господу – за то, что избавился-таки наконец от всех напастей и остался один. Я не преувеличу, если скажу: в эти минуты он блаженствовал. Только что выпущенный из тюрьмы узник вряд ли испытывает большую радость.

Кончив славословие, Абисогом-ага разулся, разделся и лёг.

«Теперь уж я знаю, что дальше делать, – сказал он сам себе. – Перво-наперво ни с кем знакомиться не стану, потому что эти константинопольцы мне совсем не понравились, – или денег у тебя выпросят, или душу вытянут своими разговорами. Нужны мне они?.. Я приехал найти себе жену. Которую полюблю, ту и возьму в жёны, если отдадут; возьму и уеду, и дело с концом, а не отдадут... Отчего же не отдадут? Или получше меня найдутся?.. А если завтра газета и вправду выставит моё имя на самом видном месте, то после этого многие не только рады будут отдать, но ещё и просить начнут: возьми, мол, нашу дочь, и вот тебе родительское благословение... Но мне и одной жены довольно... Облюбую среди их дочерей самую смирную... посватаюсь, обручусь... женюсь...

И, приняв столь замечательные решения, гость отошёл ко сну.

6

Абисогом-ага спал славно, поскольку, ложась в постель, чувствовал крайнюю усталость, и, вероятно, он почивал бы и весь день, если б утром крикливые лоточники громовыми своими голосами внезапно не нарушили его сон – эту крохотную частицу смерти, являющуюся неким, можно сказать, приютом отдохновения для уставших людей, а также и временной панацеей от многих извечных недугов.

Блажен, кто спит сном праведника, и просыпается поздно, а то и вовсе не просыпается: он или почти не чувствует, или совсем не чувствует тех страданий, которые снедают человека. Но в Константинополе даже просто поспать, увы, нет никакой возможности, ночные сторожа стучат так сильно своими колотушками, а по утрам лоточники так громко выкликают свои товары, что бедному сну впору выброситься из окна. Если в день Страшного суда архангелу Гавриилу не удастся своей трубой перебудить всех мёртвых, я не премину предложить, чтобы эту его обязанность возложили на константинопольских лоточников и ночных сторожей... И, вследствие вышесказанного, Абисогом-ага, который спал в комнате, обращённой окном на улицу, проснулся рано утром. Открыв глаза, он сразу встал, отпер сундук, переменял бельё, оделся и умылся.

Хозяйка дома, которая уже знала, что гость встал, подня-

лась наверх и, препроводив его в небольшую нарядную комнату, сообщила, что некий господин хотел бы с ним свидеться.

– Позови его сюда, – сказал Абисогом-ага.

– Хорошо... Скажите, пожалуйста, кофе вы пьёте с молоком?

– Пью одно молоко, без кофе.

– Значит, молоко принести?

– Да.

Хозяйка поспешила вниз.

«Посмотрим, кто же этот человек, – сказал про себя Абисогом-ага. Возможно, у него есть дочь, которую он хочет выдать замуж... Проведал, значит, о моём приезде, и вот чуть свет пришёл поговорить. Но покамест я не разужнаю, какого нрава его дочь, слова своего не дам. Сперва я должен всё взвесить, раскусить девушку, заручиться согласием моего отца, ибо должно, чтобы не только я, но и родитель мой любил мою жену... Мало того, нужно, чтоб она каждому по вкусу пришлась...»

– Здравствуйте, ваша милость! Моё почтение! – воскликнул молодой человек с пламенными глазами, подбегая к Абисогому-аге с очевидным намерением пожать ему обе руки.

Абисогом-ага встал и вверил свои руки этому молодому человеку, и тот долго тряс и стискивал их, рассыпаясь при этом в любезностях и расточая комплименты.

– Садитесь, Абисогом-ага, сделайте милость, вам не подобает стоять, – сказал молодой человек, вернув вручённые ему руки их владельцу; затем, он, ломаясь, попятился к стоящему позади креслу и опустился в него.

Абисогом-ага воссел на диван.

– Конечно, мы ещё вчера должны были бы прийти и поздравить вас с приездом, но мы поздно узнали о вашем прибытии, и я прошу извинить, – отбарабанил молодой человек, потирая руки.

– Ты вреда мне не сделал, что пришёл сегодня, нечего и извиняться.

– Это ваша вежливость вынуждает вас быть снисходительным, но мы сознаём, что оплошали. Наше опоздание – это действительно оплошность, притом большая. Судите сами: в столицу прибыл достоуважаемый Абисогом-ага, и какой-нибудь фотограф является к нему с почтением лишь на следующий день! Нет, как хотите, а это всем оплошностям оплошность!

– Никакого греха не было бы, ежели б ты даже вовсе не пришёл.

– Вы очень великодушный человек.

– Я совсем не великодушный.

– Пусть будет по-вашему, спорить не стану... Я предлагаю вам свои услуги... и жду ваших приказаний, хотите – сниму здесь, а нет – почтите посещением нашу контору. Мне всё равно, где пожелаете, там я и сниму с вас...

– А что ты хочешь снять с меня?

– Как что? Я мечтаю снять с вас портрет, сфотографировать вашу особу.

– А!.. Но я никогда не фотографировался, и это мне ни к чему, потому что я каждый день гляжусь в наше большое зеркало и вижу свой портрет.

– Если вы захотите послать кому-нибудь ваш портрет, вы же не пошлёте вместо портрета зеркало, Абисогом-ага?

– Причём тут зеркало? Я сам отправлюсь.

– Вы очень хорошо выразились... Но тем не менее пока вы не сниметесь, я не успокоюсь. Не сфотографировать вас? Нет, это было бы низко с моей стороны...

– Почему?

– Виданное ли дело – такой необыкновенный человек, как вы, приехал в Константинополь и – не сфотографировался! Вы что, хотите посмешищем стать?!

– Посмешищем стать? Почему?

– Причина известна: друзья больших людей, натурально, также большие люди; вы – большой человек, и, стало быть, не нынче-завтра начнёте принимать именно их, людей вашего круга. Я знаю: они будут дарить вам свои портреты, а это значит, что вы тоже должны иметь портреты, чтобы дарить их им. Так ведь?

– И если кто не дарит, того на смех поднимают?

– Это ещё полбеда, если только между собой, а то и на людях издеваться будут, извините, над вами.

– Удивительная вещь!

– Слыхано ли дело – у вас, у такой важной персоны, нет своих портретов. Ведь это просто позор! Большой позор!

– Большой позор, говоришь?

– Ещё бы! В наше время не иметь своего портрета куда, знаете ли, неприличнее, чем ходить среди бела дня... в подштанниках.

– Я этого не знал.

– Цивилизация и просвещение обязывают каждого из нас иметь свои портреты.

– Скажи, а в газетах напишут, что Абисогом-ага сфотографировался?

– Подобными вопросами они не интересуются.

– Значит, и в церквах не объявят?

– А зачем вам это, Абисогом-ага? Вы что, смеётесь надо мной? Измываетесь?

– Измываюсь? Я против этого! Я никогда ни над кем не измывался...

– Не сердитесь, прошу вас.

– Нет, буду сердиться! Я человек прямой и люблю обо всём говорить прямо.

– Прекрасно. Тогда скажите, в какой же позе вы хотели бы сняться?

– Я не хочу сниматься, поскольку дело это бесполезное.

– Господи! Что может быть полезнее этого дела? Например, если вы – пожелаете навестить кого-либо из друзей, а у

вас не будет времени, то пошлѣте ему одну свою карточку, всё и образуется. Или, скажем, если вы женаты, пошлѣте в своё отсутствие супруге, чтобы она смотрела на ваше изображение и тем утешалась; если же ещё не женаты, то сколько девиц увидят ваши портреты и поймут, кто вы есть, и о вас, таким образом, заговорят во всех кругах общества! В наше время фотографический портрет, пожалуй, нужнее, чем хлеб... Пожалуйста, согласитесь, что я прав, и давайте сейчас же отправимся в фотографию.

– А где эти девицы увидят мои портреты?

– А в альбомах ваших друзей. Ваши друзья вставят их в свои альбомы и будут всем показывать.

– Зачем?

– Вспоминать вас будут – разве плохо?

– А когда вспоминают, много от этого проку? Я б им сказал: хотите – вспоминайте, не хотите – не надо. Какая мне разница?.. А что до фотографий, то, нет, за эти ваши пустяковины я денег не дам. И ни единому твоему слову я не верю!

– Это – энсюльт⁷.

– Энсюльт? Это ещё кто такой?

– Из-за того, что не хочу сниматься, ты – наговаривать на меня? Я сроду никого не оскорблял!

– Вы только что оскорбили артиста.

– Пойди пожалуйста околоточному, некогда мне слушать твоё враньё.

---

⁷ Энсюльт (франц.) – оскорбление.

– Обращаться в полицию нет необходимости. Однако я попросил бы вас не пренебрегать вежливостью... И слова, которые вы произносите, примирять с её требованиями...

– Вот ещё! Не в моём это характере – в чужие драки ввязываться... Иди сам мири, если где дерутся.

Манук-ага приносит Абисогому-аге стакан молока, ставит на столик и говорит:

– Вот и ваше молоко. Выпейте, пожалуйста.

Абисогом-ага подсаживается к столику и начинает пить молоко.

– Каково же ваше решение, Абисогом-ага: сниматься будете во весь рост или по пояс? – спрашивает Манук-ага.

– Ни по пояс и ни во весь рост, – отвечает Абисогом-ага.

– Решили сфотографироваться, значит, сидя на этом стуле?

– Как же вы тогда решили?

– Решил не сниматься.

– Э, так нельзя, вы ведёте себя как ребёнок, как большой ребёнок, Абисогом-ага. Теперь у нас все, начиная с малышкой и кончая самыми большими, по нескольку раз в год фотографируются. Даже двухмесячные младенцы, и те не обходятся без своих фотографий, только пребывающие в утробе матери пока обходятся. Впрочем, говорят, не сегодня-завтра их тоже начнут фотографировать.

– Я не смог убедить Абисогома-агу... Ему кажется, что я пришёл единственно для того, чтобы обмануть его, – сказал

фотограф.

– Нет, нет, наш фотограф – образец честности, – вступился Манук-ага.

– Я сказал, что такой большой и замечательный человек, каков Абисогом-ага, не может не иметь своего портрета.

– Да, конечно, однако он должен иметь не один портрет, а много портретов, притом – разных. К примеру говоря, двенадцать штук маленьких, двенадцать штук средних, двенадцать штук больших, двенадцать – во весь рост, двенадцать – по пояс, двенадцать – сидя прямо, двенадцать – лёжа, двенадцать – закинув ногу на ногу, двенадцать – положив руку на руку, двенадцать – подперев рукой голову, двенадцать – та же рука на столе, ещё столько же – с тростью в руке, ещё столько же – с улыбкой на лице, ещё столько же – с грустным лицом и ещё двенадцать – с лицом не грустным, но и не весёлым... Да, Абисогом-ага. И если вы сниметесь не во всех этих позах, то унизите сами себя, это – вопрос чести,

– Ты правду говоришь? – спросил Абисогом-ага.

– Что мне за интерес говорить вам неправду?! Если вы не обзаведётесь своими портретами, на вас будут коситься. Ведь их все большие люди имеют.

– И по столько штук, сколько ты назвал? Ты это хорошо знаешь?

– Да.

– А у маленьких людей тоже по столько?

– У маленьких меньше, те по три или, много-много, по

шесть карточек берут.

– Никогда не думал, что каким-то карточкам такую важность у вас придают.

– Теперь только портретам и придают значение, и чем лучше ты на них выглядишь, тем больше значишь.

– Понимаю, у вас у каждого, говоришь, есть свои портреты...

Но как по ним узнаёте, кто большой человек, а кто маленький? Вот если бы только большие снимались...

– Дело в том, что портреты больших людей – больших же размеров и отпечатаны на блестящей бумаге.

– Вот как! Ладно... А можно, чтобы на этой бумаге вместе со мной были и мои слуги, стояли против меня навытяжку?

– Отчего же нельзя, можно.

– Правда?

– Можно, пожалуй.

– У меня есть также и поместья, где много коров, овец, лошадей, гусей, уток... Нельзя ли их тоже где-нибудь сбоку пристроить?

– Их нельзя, но слуг – было бы даже неплохо. Не так ли, господин Дереник?

– Да, – сказал фотограф.

– А нельзя ли, – снова полюбопытствовал Абисо-гом-ага, – хотя бы написать под нашим портретом, мол, у этого человека собственные имения, лошади, коровы, ишаки?

– Написать нельзя... Оно и можно, однако таких надписей у нас обыкновенно не делают. Да и не нужна она вам, ведь скоро и так всем станет известно, кто вы есть.

– А верхом на лошади мог бы я сняться?

– Да, – сказал Дереник.

– Но чтобы лошадь скакала.

– Это почти невозможно.

– Ладно, завтра посмотрим.

– Если желаете, завтра наш аппарат мы доставим сюда.

– Согласен, доставь, – подхватил Манук-ага. – Не приличествует Абисогому-аге сниматься в вашей фотографии, большие люди снимаются не в фотографии, а у себя дома.

– Слушаю! – сказал Дереник и, вскочив с места, начал потирать руки, переваливаясь с ноги на ногу и ломаться, представляя человека, который хочет что-то сказать, но стесняется. Тут уместно заметить, что человек, который хочет что-то вам сказать, но стесняется, в конце концов непременно попросит денег.

– Завтра доставь, значит, свою машину, – согласился и Абисогом-ага.

– Слушаю! – вскрикнул фотограф, не переставая ломаться.

– Я сказал – завтра свою машину принесёшь сюда! – повторил Абисогом-ага, возвысив голос.

– Я понимаю, завтра наш аппарат мы должны принести сюда, – подтвердил Дереник, – но у нас, извините, такой обы-

чай... здесь принято...

– Говори.

– Прошу покорно, только не обижаться.

– Не обижусь.

– У нас здесь такой обычай: если наш аппарат мы принесим в дом клиента, берём задаток. Не потому, что не доверяем, а из уважения к обычаю.

– Что это за обычай у вас... некрасивый?

– Ничего не поделаешь, обычай.

– Ладно. Хватит тебе двух золотых?

– Хватит.

И не успел Абисогом-ага дать фотографу два золотых, как тот попрощался и был таков.

В ряду любопытных разностей, существующих между людьми, мы наблюдаем и такое различие: одни хотят показывать даже то, чего они не имеют, другие не хотят показывать и того, что имеют, третьи, напротив хотят показывать то, что имеют. Абисогом-ага принадлежал к последним, – он прямо жаждал, чтобы о его землях, имениях и прочих богатствах знало возможно больше людей, и для осуществления этого своего желания не жалел даже денег. Так, когда ему сказали, что большие люди нынче не обходятся без своих портретов, он, размыслив, согласился обзавестись таковыми; правда, хоть и согласился, но всё же опасался, как бы не обмишулиться и не потратиться зря, и поэтому после ухода Дереника тотчас обратился к Мануку-аге:

– Если не снимусь, меня, что, за человека считать перестанут?

– Не дай бог... Но поскольку люди вашего разряда давно уже все снялись и продолжают сниматься, вам также необходимо сняться... Ведь если кто-либо попросит у вас вашу фотографию, а вы в ответ признаетесь, что ещё не снимались...

– Ну что будет?

– Что будет?

– Да. Отберут у меня мои земли?

– Ни в коем случае.

– Угонят коров, овец?

– Никогда. Но вы прослывёте, простите, за тёмного человека, за мракобеса, и не будет уже к вам того уважения...

– Понимаю... Значит, каким же должен быть мой портрет, чтобы никто не сомневался, что я человек не маленький? Ведь ты сказал, что маленькие люди тоже снимаются.

– Во-первых, ваш портрет должен быть большим, а во-вторых, я посоветовал бы вам сняться, сидя в кресле.

– Мне нужно одеться во всё новое, да?

– Да.

– Надену и часы, конечно?

– Непременно.

– Стало быть... я курю трубку, двое моих слуг вытянулись против меня в струнку, третий стоит позади, держит мою лошадь...

– Вот, вот.

– Надо бы ещё что-то придумать, чтобы вид у меня был ещё лучше.

– Не переборщить бы.

– Или вот что: я распекаю своих слуг, гоню их в три шеи... Разве нельзя показать, как я это делаю? Или, скажем, я порю кого-то. Или, к примеру, кричу на моего приказчика. «Неслух! – кричу, – сколько раз я тебе приказывал, чтоб ты не обижал моих работников, с коровами моими ладил, пахал и сеял вовремя!.. И коли ты не делаешь, что велю, я отказываю тебе от места!» А приказчик вытирает платком глаза,

валяется у меня в ногах, говорит: «Ради детей моих простите мне мою вину, всю жизнь я ваш хлеб ем, вы мой благодетель, но вспомните, как я на руки вас брал, и подбрасывал, и на плечи себе сажал...». Вы разве не могли бы поместить на моём большом портрете и что-то вроде этого тоже?

– Завтра поразмыслим... Сейчас самое время продолжить нашу вчерашнюю историю... Едва, значит, Мелкон-ага увидел меня...

– Или же так: я лежу на спине, а мои слуги втроём стягивают с меня штаны...

– Как подбежал ко мне и...

– Нет, я смотрел бы ещё благородней, если б на портрете курил наргиле...

– Прибежал ко мне и говорит: «Если сегодня мы не потрудимся хорошенько, в квартальный совет, уж я-то знаю, негодных нам людей изберут»...

– Наргиле... длиной в десять локтей такая вот кишка...

– О кишке поговорим завтра, Абисогом-ага, завтра. Дайте мне. досказать мою историю!.. И Мелкон-ага потащил меня за собой в нашу национальную читальню. Там, как всегда, несколько молодых людей играли в карты...

– Была бы кишка немного короче, на портрете она получилась бы красивей...

На своём веку я его раз наблюдал, как два человека, разговаривая, всё время перебивают друг друга, и при этом каждый стремится высказаться первым. Да, сто раз, причём де-

вяносто восемь раз, за исключением, следовательно, всего двух случаев, – в Национальном депутатском собрании. Разговор между Абисогомом-агой и Мануком-агой был, таким образом, уже сто первым подобным случаем, и меня подмывало сказать им обоим: «Да не прерывайте же вы друг друга, чёрт вас побери!» Но поскольку эти мои слова обычно причиняют людям обиду, я решил держать нейтралитет и молча дожидаться конца словопрения, которое в Национальном депутатском собрании почти всегда завершается потасовкой...

– Вы правы, – сказал Манук-ага, – наргиле с короткой кишкой выглядят куда приличней... Но люди... Да, я хочу сказать, что люди, которых мы выбираем, непременно должны быть хорошими.»

– А ты в них разбираешься?

– Я-то разбираюсь, но ведь этого мало, выбирают же голосованием.

– Голосованием?

– Да, согласно конституции выбирают голосованием.

– Что ты несёшь, братец? Значит, без этого твоего голосования ты не сможешь выбрать мне наргиле?

– Мы говорим о выборах в квартальный совет.

– Откуда ты выкопал этот совет?... Речь шла о наргиле!

– Не сердитесь, Абисогом-ага, пусть будет по-вашему.

– Чего мне сердиться? Да ты что!.. Завтра же пойдём купим с тобой одну штуку – и всё.

– Ладно, купим.

В этот момент дверь приоткрылась, и в отверстии показалась голова женщины.

Звали эту женщину Шушан, и была она свахой. Мастерница женить и выдавать замуж, она находила для лиц мужского пола невест, а для лиц женского пола – женихов и, соединив их брачными узами, получала причитающуюся ей за труды плату. Налаживала иногда и бракоразводные дела, и опять же, понятно, не без корысти.

Шушан тридцать шесть лет, если спросить её, а если спросить меня, имеющего обыкновение к названному женщиной количеству её лет прибавлять десятков, то сорок шесть. Лицо длинное, почти чёрное, усеяно оспинами; добрую половину физиономии составляет челюсть, над которой выдаётся большой, довольно сложной конфигурации нос; глаза маленькие, чёрные, непрерывно бегают по сторонам; лоб – шириной в два пальца.

Госпожа Шушан просунулась с дверь и, войдя в комнату, сказала:

– Если разговор у вас секретный, я выйду.

– Нет, – ответил Манук-ага, – разговор о квартальном совете.

– Да провались он к чёрту, ваш квартальный совет! – неожиданно вспыхнула госпожа Шушан и, с достоинством повернув голову в сторону Абисогома-аги, сделала несколько шажков вперёд и села в кресло.

– Милости просим, сударыня, – сказал Манук-ага.

– Рада видеть вас... Поздравляю вас с приездом, Абисогом-ага! Как нашли вы наш город? Поглядели уж, понравился он вам?

– Понравился, очень хороший.

– Неспроста, наверно, в этих краях оказались? – спросил Манук-ага. – Опять обручение чьё-то? Или нет?

– Пришла в соседний дом, дай, думаю, и к благоверной Манука-аги забегу... Дочь госпожи Антарам за сына вашего соседа выдать хочу, дело было почти что устроено, однако госпожа Марта, которая хотела б, чтобы он женился на её дочери, наговорила парню на дочку госпожи Антарам, тот и охладел малость... Вот я и пришла поговорить, убедить мальчишку, но не застала его, придётся мне и завтра прийти.

– Может, вы и для нашего Абисогома-аги девушку найдёте?

Абисогом-ага улыбнулся.

– Супруга ваша сообщила уж мне внизу, что Абисогом-ага ещё холост. Я, признаться сказать, потому и вошла сюда, – ответила госпожа Шушан и вытерла белым платком нос.

– У меня, точно, есть в голове мысль... намереваюсь... – сказал Абисогом-ага и, встав, протянул госпоже Шушан сигару.

– Коль скоро намерены, мы и для вас могли бы подходящую девушку выискать. Лет двадцать уж, как женитьбами да замужествами занимаюсь, всех невест наперечёт знаю... Какую же девушку хотели бы вы? Я должна это знать, ваша

милость.

Манук-ага, видя, что между Абисогомом и свахой завязывается важный для них разговор, встаёт и незаметно выходит, отложив свою неоконченную историю до следующего раза.

– Хочу красивую, – ответил Абисогом-ага и засмеялся!

– Знаю, что красивую хотите... Однако чтобы и богатая была?

– Да.

– Скромная?

– Перво-наперво.

– Лет шестнадцати-семнадцати?

– Пожалуй.

– Умела играть на фортепьяно?

– Пускай.

– Умела танцевать?

– А как же!

– Прекрасно. Есть у меня на примете одна такая... Только, знаете ли, подобные барышни работать ленятся, весь день в креслах посиживают, или поют и танцуют, или гуляют себе. Говорю об этом заранее, потом чтобы меня не винули. Встречаются среди тех, что по сердцу вам, конечно, и хорошие по всем статьям, но очень редко. Словом, разные они у нас, барышни-то эти, разные и когда уже замужем... Иная, к примеру, может вдруг влюбиться в какого-нибудь шалопая и удрать вместе с ним, а ты жди-надейся...

– Что ты говоришь! Когда так, не женюсь, не хочу.

– А иная прямо с ума сходит по мужу.

– Когда так, хочу.

– А иная проживёт месяц-другой с любовником и ни разу о муже не вспомнит.

– Когда так, не хочу.

– А иная без тебя шагу ступить не может.

– Когда так, хочу.

– Но и мужья-то у нас, доложу я вам, не все как мужья.

К примеру, иной знает, что жена его крутит с мужчинами, и ни гугу, потому как в награду за то, что на шашни её сквозь пальцы смотрит, от тестя денежки получает.

– Ты правду говоришь? Неужели на свете есть и такие женатые люди?

– Больше, нежели волос у меня.

– И кто же с этакими мужьями и жёнами знается здесь?

– Любой и каждый. Жену оправдывают, говоря, что её, мол, сам чёрт в искушение ввёл, а мужа к святым причисляют, говоря, бедняга, мол, не знал, не ведал...

– Не хочу, никого не хочу! Женюсь там, в моём городе.

– Но попадаются и очень верные жёны, которые готовы даже душу отдать за супруга.

– Ежели одну такую найду, женюсь.

– Как раз одну такую я и хочу найти. Весь этот разговор я для того и веду, чтобы понять, из какой же породы девиц жену вам выбрать.

Должно отдать справедливость обстоятельности госпожи Шушан, поскольку мы каждый божий день видим такие браки, что диву даёмся...

– Супружество – вещь приятная, – взбодрилась посредница, – кто взял себе в жёны подходящую девушку, считай, тот каждый день как в раю.

– Поэтому я и хочу жениться.

– А не подладилась жена под твой характер, считай, каждый день ты в аду, в геенне огненной.

– Поэтому я и боюсь жениться.

– Скажите, ваша милость, конечно, женится на барышне из высшего общества?

– Да, да, из высшего.

– Что ж, я найду вам барышню из высшего общества, но... вы говорите по-французски?

– Чтобы жениться на девушке из богатого дома, обязательно нужно знать французский?

– Да, потому что барышни и дамы из богатых домов говорят по-французски, и когда супруга разговаривает неизвестным её мужу языком, зависть его берёт.

– А я возьму и выучу этот французский.

– Кроме того, супружество редко бывает счастливым, если жена образованней мужа.

– Это верно, я тоже так думаю.

– А ваша милость понимает, поди, в европейской музыке?

– Совсем ничего не понимаю, и когда слушаю, очень ску-

чаю.

– Что же вы станете делать, если ваша жена часами будет сидеть за пианино и европейские мотивы барабанить на нём?

– Не позволю, мне скучно будет.

– А супруга будет удовольствие получать.

– Не имеет она права досаждать мужу.

– А разве муж имеет право не давать своей жене развлекаться?

– Если дело доходит до этого, не женюсь.

– Не жениться нельзя, вы должны только заставить себя выучиться играть на фортепьяно... приноровиться как-то ради жены.

– Я смогу выучиться?

– Сможете... Притом вам куда легче будет научиться играть, чем жене разучиться.

– Если так, то и тут, стало быть, выход нашёлся.

– Всё это я потому говорю, что боюсь угрызений совести... И говорю наперёд, чтобы потом с больной головы на здоровую не сваливали. Я могу облюбовать для вас девушку среди любого сословия: высшего, среднего, низшего... У меня этот товар во всех трёх сословиях есть. Посоветуйтесь, любезнейший, с вашим кошельком и решите сами, в каком из трёх сословий искать вам невестушку. Известно, что в высшем они дорогие, в среднем – не очень дорогие, в низшем – дешёвые.

– Дешёвую не хочу.

– Прекрасно!.. Скажите, сделайте одолжение, а девушку вы хотели бы беленькую или смугленькую?

– Хочу белую.

– Глаза – чёрные или синие?

– Я и чёрные люблю и синие.

– Любите уж или те, или эти, где я возьму вам девушку, у которой один глаз синий, а другой чёрный?

– Ладно, пускай будут синие.

– Хорошо. Рост? Волосы?

– Волос хочу длинный, рост тоже длинный.

– Талия?

– Хочу тонкую, но чтоб сама не худая была, а мясистая.

– Понимаю, теперь мне всё ясно. Есть у меня одна как раз на ваш вкус. Сверх того, она ещё и скромная и, по всему судя, душу за мужа положит.

– Вот она мне подойдёт.

– Завтра, как только я назову ей ваше имя, она, думаю, тут же и влюбится в вас... Да, я должна показать этой девушке ваш портрет.

– Мой портрет снимут завтра.

– Завтра? Если завтра, то вы его получите через восемь дней. Ждать восемь дней? Зачем ждать? Завтра и пойдём. Эта ваша барышня ведь из богатого дома?

– Да.

– Отец очень богат?

– Очень, но богатства своего не показывает.

– Много у него лавок?

– Около двадцати.

– Домов?

– Около сорока.

– Очень хорошо. Значит, завтра и пойдём...

Слушаю, ваша честь, приду днём, вместе и отправимся...

До свиданья, Абисогом-ага, не беспокойтесь, я вас не обману, к чёрту в пекло не брошу... Будьте здоровы.

И госпожа Шушан удалилась.

8

Манук-ага, дождавшись ухода свахи, тотчас поставил свою недопитую чашку кофе на стол и поднялся к Абисогому-аге.

– Итак, – сказал Манук-ага, – Мелкон-ага потянул меня за руку, и мы вошли в читальню. Читальня эта некогда была винным погребком, держал его, царствие ему небесное, Комик-ага. Славный был человек, заболел как-то неожиданно, доктора старались-старались, да так и не смогли исцелить беднягу, и он умер.

Супруга Манука-аги вошла в комнату и, протянув Абисогому-аге газету, сказала:

– Достопочтенный эфенди⁸ кланяется вам.

Произнеся эти слова, она вышла.

Абисогом-ага торопливо развернул газету и прочёл: «Из Вана сообщают...» Не то, посмотрим, о чём ниже, – проговорил с досадой и прочитал: «Из Муша один из наших друзей пишет следующее...» И это не то. Пойдём дальше: «В «Вестнике Востока» читаем...» Взглянем-ка и на оборотную сторону: «Корреспондент «Таймса» телеграфирует упомянутой газете...» Моего имени тут нигде нет. Может, вот здесь? «Благородное сословие нашего общества попол-

---

⁸ Эфенди (турецк.) – господин, употребляется как обращение.

нилось ещё одним членом. Крупный купец, владелец многочисленных усадеб и поместий, известный языковед, патриот, добродетельный и большой души человек, уважаемый Абисогом-эфенди вчера на трабзонском пароходе прибыл в нашу столицу. Он остановился в Пера, – улица Цветов, дом № 2. Приезд в столицу столь высокопоставленного лица, несомненно, доставит нашим благонамеренным соотечественникам большую радость».

Абисогом-ага обратился лицом к Мануку-аге и сказал: – Послушай, что про меня... – и ещё раз громогласно прочёл напечатанное в газете сообщение.

– Достопочтенный эфенди кланяется вам, – сказала хозяйка, войдя в комнату, – и просит уплатить за газету.

– Сейчас, – сказал Абисогом-ага с живостью и, достав из кошелька деньги, отдал их хозяйке. Та вышла и быстро спустилась вниз.

– Вроде как неплохо написано, да? – спросил Абисогом-ага.

– Да, неплохо, – кивнул Манук-ага.

– Хорошая, видать, газета, серьёзная.

– Да, солидная, но бывают ещё солиднее.

Хозяйка, снова войдя в комнату, подала Абисогому-аге большой пакет и письмо и сказала:

– Достопочтенный эфенди просил передать вам поклон.

Абисогом-ага наскоро вскрыл письмо и прочитал следующее:

«Высокочтимый эфенди!

Узнав о прибытии Вашей милости в нашу столицу, спешу поздравить Вас с приездом и посылаю Вам десять экземпляров моей газеты. Смею надеяться, что Вы сооблаговолите изъяснить согласие подписаться на мою газету и тем поддержите моё служение нации на тяжком поприще печати.

С низжайшим почтением редактор-издатель газеты...
(подпись)».

– На что мне десять?

– Чтобы начитаться.

Хозяйка снова вошла в комнату, неся в руке пакет и письмо, и Абисогом-ага, вскрыв письмо, прочитал:

«Высокочтимый эфенди!

Ваш патриотизм, о котором наслышаны все, побудил меня послать Вам пятнадцать экземпляров моей газеты. Мне приятно надеяться, что Вы соизволите принять их и что Вы будете и впредь покровительствовать нашему газетному делу, которое по причине распространённого среди нас нерасположения к чтению, к несчастью, пребывает в плачевном состоянии.

С глубочайшим уважением редактор-издатель газеты...
(подпись)».

Не успел Абисогом-ага сложить это письмо, как в комнату снова вошла хозяйка.

– Достопочтенный эфенди кланяется вам, – сказала она, положив на стол кипу книг и конверт. Абисогом-ага, вскрыв

и этот конверт, прочитал:

«Высокочтимый эфенди!

Имею честь послать Вам сорок экземпляров выпущенной мною в свет книги сочинений, являющихся плодами моих собственных мыслей. Лыщу себя надеждой, что Вы милостиво снизойдёте к просьбе моей принять их и таким образом воодушевите меня на опубликование в недалёком будущем также и других моих произведений.

Примите уверения в моём совершенном уважении, Вашего степенства покорный слуга... (подпись)».

Абисогом-ага вложил письмо в конверт и задумался.

Хозяйка снова вошла в комнату.

– Достопочтенный эфенди опять кланяется? – спросил Абисогом-ага.

– Нет. Пришёл один из ваших носильщиков, просит рассчитаться.

Абисогом-ага вытащил из кошелька двадцать пиастров, отдал их хозяйке, и та вышла.

– ...В одном углу читальни несколько человек готовили список кандидатов в члены совета, – сказал Манук-ага, возвращаясь к своему рассказу. – Они были не на нашей стороне, и делали всё, чтобы в кварталный совет прошли, как я уже говорил, только их люди – одни мздоимцы...

– Пришёл какой-то юноша, оставил эти книги и сказал, что сегодня или завтра он сделает вам визит, – снова войдя в комнату, выговорила хозяйка и положила книги на стол.

– Куда мне столько? Я же не собираюсь книгами торговать. Не хочу! Больше ни у кого ничего не принимай. Говори: «Абисогом-ага не у нас» и выпроваживай.

– О, нет! Так тоже не годится. Вы наших редакторов не знаете... Если вы у одного откажетесь взять газеты, а у другого возьмёте, и тот пронюхает об этом, он таких наговорит вам оскорблений, что не приведи бог.

– Ну, раз так, принимай, сколько бы кто ни принёс. Ничего не поделаешь, я опять оплошал... А если книги, не бери. Хозяйка, кивая головой, вышла.

– Однако, – продолжал Манук-ага, – согласия не было и среди них. Ювелир хотел протолкнуть в совет своего первого покупателя, пекарь – своего клиента, покупающего в день не меньше десяти хлебов, портной мечтал сделать членом совета молодого щёголя, которому раз в неделю он шьёт платье, седельник собирался отдать свой голос известному богачу, для которого в год мастерит два седла. А редактор горел желанием поздравить всех своих постоянных подписчиков с избранием их в совет. А адвокат – проголосовать за самого ловкого в квартале сутягу, а врач – за самого тяжёлого из больных, которых он пользуется. А кабатчик спал и видел, чтобы все дела квартала передали завсегдатаю его погребка, на вино и водку издержавшему больше других... Вот так, значит...

Но Манук-ага и на этот раз не смог довести до конца свою историю, так как в комнате, откуда ни возмись, появился

незнакомый молодой человек.

Незнакомец был одет во всё чистое; его круглое белое лицо обрамляла чёрная с прожелтью борода, которая совсем не шла к нему. Бывают картины, которые без рамы выглядят красивее, но есть и такие, которые, чтобы выглядеть красивыми, нуждаются в раме. Если бы природа позволяла нашим женщинам вставлять свои лица в раму, то сколько женщин носили бы нынче бороду!..

Молодой человек, войдя в комнату, снял с себя высокую чёрную шляпу и поклонился.

Манук-ага, удостоив гостя, в ответ на его поклон, лишь наклоном головы, сразу же направился к дверям и, выходя, сердито проворчал:

– Дожил до старости, а подобного случая со мной ещё не было: не дают слова сказать; только раскрою рот, кто-то является и давай языком трепать, и я опять останавливаюсь на полуслове.

– Абисогом-ага? – спросил гость, опустившись в кресло.

– Да.

– Благодарю, что вы и есть Абисогом-ага. Прочитал я в газете о вашем приезде и чрезвычайно обрадовался... что в нашей нации патриоты, стало быть, ещё не перевелись. Я убеждён: нация, в которой уже нет патриотов, отнюдь не нация...

– Да.

– И наоборот: патриоты, у которых нет нации, отнюдь не

патриоты.

– Верно.

– И понятия эти – нация и патриот – взаимосвязаны настолько тесно, что раздели их – оба исчезнут.

– Тоже верно.

– Нация, которая не поощряет своих тружеников, – продолжал гость поучительным и весьма серьёзным тоном, – нет, она не вправе находиться в одном ряду с другими нациями.

– Ты говоришь толково.

– И когда нация не вознаграждает нашего брата-труженика, он, естественно, падает духом и иногда подумывает, а не утопиться ли ему в море?

– Это глупо.

– Прошу прощения, Абисогом-ага, если я при первой же встрече позволяю себе высказываться несколько смело.

– Не беда.

– Ваш покорный слуга шесть лет пробыл в Европе и там изучал медицину.

– Что ж, ремесло у тебя хорошее.

– Изо дня в день, жертвуя сном, отдыхом, всем, я читал и писал, чтобы, возвратившись в родной город, служить своей нации.

– Человек для того и живёт, чтобы служить своей нации.

– Уже два года, как я здесь, и за это время я имел дело лишь с четырьмя больными... Ну теперь вы понимаете, как

поощряются у нас врачи?!

– Это большое несчастье. А что, у здешних жителей разве нет болезней?

– Болезни есть, но у здешних больных нет национального чувства.

– Неужели?

– Да, да. Если армянин заболел, он обращается к врачу-иностранцу; увы, он не ведает, что болезнь армянина может излечить только армянин, что горю армянина чужой помочь не может... У нас насчитывается более двух тысяч армянских врачей, однако из них лишь двое-трое живут, можно сказать, богато, а остальные сидят-ожидают с утра до вечера, когда же, наконец, объявится хоть один больной.

– У вас тяжёлое положение.

– Ну почему, почему, – возведя глаза к потолку, завопил врач, – наши отечественные больные лечатся у иностранцев? Ох, это наше преклонение перед всем иностранным! Ох, эта наша любовь ко всему чужому! Отстанет ли она когда от нас?..

– Любовь к чужому – это нехорошо.

– А с другой стороны, среди нашей нации болезней сравнительно мало, то есть не так много, чтобы мы, врачи, могли совершенствоваться в деле врачевания. Ну и конечно же, нация, в которой многие заболевания встречаются пока довольно редко, не должна надеяться на появление среди нас врачей столь же искусных, каковы они в Европе... Уместно

добавить: как не должна надеяться на появление в её литературе талантливых и гениальных авторов та нация, представители которой, за немногими исключениями, к чтению книг не приохочены.

– Истинная правда.

– Нет, вы не представляете, Абисогом-ага, в каком я отчаянии!.. Тысячу раз, две тысячи раз проклинал я себя за то, что сделался врачом. Ах, как я хотел бы превратиться из врача в тяжело больного и... умереть! У нас, уж поверьте, куда лучше болеть, нежели врачевать, поскольку даже среди образованной части наших соотечественников невежество ставится выше учёности, легкомыслие предпочитается обстоятельности, а изуверам оказывают больше внимания, нежели апостолам. Боже праведный, о, я клянусь, если когда-нибудь кто из высокопоставленных моих соотечественников обратится ко мне за врачебной помощью, имя этого больного я возвышу во всех газетах!

При этих словах Абисогом-ага проснулся, а вместе с ним проснулось и его тщеславие... Какое приятное времяпрепровождение – с обирать недостатки простодушных людей. Хитрецы иногда так мастерски маскируют свою натуру и притворяются, что собиратели их недостатков только разводят руками, ибо хитрецы эти то коварными прикидываются, то наивными, то неучами, то учёными, то пристрастными, то беспристрастными, то лицемерными, то искренними, и когда наш выдающийся соотечественник, гениальный

Церенц⁹ представляет в них фигуры странные, неестественные, со всех сторон раздаются неодобрительные возгласы, дескать, Церенц в искусстве создания образов ещё совсем Манукенц¹⁰, смотрите – в одном и том же лице он изображает и Адама и антихриста, и чёрта и ангела, и Зоила и Гомера, и женщину и мужчину. Однако винить ли за это белобородого Церенца, если создаваемые им герои – все хитрецы?.. Извините, Абисогом-ага и господин доктор, что я прервал вашу беседу, я от роду нетерпелив, и когда говорю, не могу остановиться, как часто ни наказывали бы меня за эту дурную привычку. Да, Церенц изображает людей не такими, каковы они есть, а какими они ему предстают. И Церенц вправе продолжать отращивать свои волосы, хоть они у него и так длинны, поскольку у нас есть авторы, которые отпустили себе ещё более длинные волосы и представляют своих героев не такими, каковы они в действительности, а какими хотели бы их видеть. Именно поэтому, например, авторы-женщины, когда они пытаются изобразить Гайка¹¹, Вардана¹² или Арта-

---

⁹ Церенц (Овсеп Шишманян, 1822–1888) – армянский писатель, автор исторических романов «В муках рождения», «Торос, сын Левона», «Теодорос Рштуни».

¹⁰ Манукенц – фамилия, образованная А. Пароняном от слова «манук» (дети) в противоположность псевдониму «Церенц», корень которого «цер» означает «старик», «старый».

¹¹ Гайк – легендарный родоначальник армян.

¹² Вардан – Вардан Мамиконян, полководец, руководил восстанием армян (450–451 гг.) против персидских угнетателей, погиб в 451 г. в битве на поле Аварайра, близ реки Аракс.

шеса¹³, вкладывают в их уста слова Виктора Гюго либо суждения Мольтке. Им кажется, что изобразить Адама без всяких прикрас и со всей его простотой – это значит потерять талант, буде он у них есть, или умалить свой гений, которым они якобы одарены, или, наконец, лишиться известности, которую они мечтают приобрести. Говорил им кто-либо, что куда труднее правильно воспроизвести чей-нибудь портрет, нежели нарисовать портрет воображаемый? Никто не говорил. Внушал им кто-нибудь, что художник, до того как взяться за создание портретов, должен научиться копировать их? Никто не внушал. И отважится ли кто в наше трудное время беспристрастно покритиковать чьё-нибудь произведение?.. Наши критики, за редкими исключениями, надевают сразу двое очков, чтобы в том или ином сочинении найти красивые места, найти, а не увидеть, ибо того, что видишь, искать не надо. Они, однако ж, ничуть не отличаются от цензоров, хоть последние в тех же нынешних публикациях ищут лишь места некрасивые... Я не знаю ни одного критика, который дерзнул бы, напав на некрасивую публикацию, схватить её за горло и умертвить. Не умертвит, больше того, постарается подкрасить, обнаруживая в ней какие-то красоты и выставляя их напоказ, лишь изредка, да и то мельком, отмечая её несуразности и некрасивости. Нет, господа критики, вы неправы! Убивайте, говорю я, некрасивые сочинения, и вы защитите красоту... Вы, возможно, думаете, что столь

---

¹³ Арташес – имя нескольких армянских царей.

строгой критике я подвергаю только чужие произведения, а к героям собственных «Попрошаек», все речи которых перелаю здесь слово в слово, не прибавляя к ним от себя ни звука, отношусь снисходительно? Ничуть не бывало, тем более, что и у моих персонажей недостатков порядочно, и я собираюсь по ним ударить... Большим недостатком считаю даже и эту свою манеру – время от времени, вот как и сейчас, прерывать рассказ и пускаться в пространные и не относящиеся к делу рассуждения. Но, с другой стороны, недостаток этот является моим преимуществом, поскольку именно благодаря ему я овладеваю вниманием нескольких читателей, – недостаток, способствующий устранению недостатков. Итак, я остановился и на моём одном недостатке, обратимся же к нашей истории...

Абисогом-ага, как мы уже сказали, сразу насторожился, когда врач поклялся, что, если кто-нибудь из лиц, принадлежащих к высшему обществу, однажды обратится к нему за помощью, он напишет о нём во всех газетах, – насторожился, и в то же мгновение у него возникло желание прикинуться больным.

– Это хорошо, – сказал он врачу, – что ты пришёл сюда: вот уже несколько дней мне как-то не по себе.

– На что жалуетесь? – спросил врач.

– Тяжесть какую-то чувствую.

– В каком месте?

– В каком месте?..

– Да.

– В нутре.

– Как у вас с аппетитом?

– Хорошо.

– Пищу перевариваете быстро?

– Перевариваю.

– По ночам спите спокойно?

– Спокойно, но вот в нутре какая-то тяжесть.

– Голова побаливает?

– Да.

– И время от времени слабеете?

– Да, слабею.

– Иногда вас знобит?

– Да, да, знобит... – И в сторону – Сроду меня не знобило.

– А после озноба – жар?

– Жар какой-то.

– А после жара – пот?

– Пот какой-то.

– По утрам во рту горько?

– Во рту горько.

– Ясно. Ничего особенного, пройдёт. Вы просто просту-

дились.

– Я тоже так думаю, я простыл.

– Многие врачи простуду путают с другими заболеваниями, прописывают лекарства не от неё, и больной получает ещё какую-нибудь болезнь.

– Это хорошо, что ты не путаешь, дай мне твои лекарства, чтобы я ещё чем-нибудь не заболел.

Врач вытащил из кармана не то записную книжку, не то блокнот, вырвал лист бумаги и, написав на нём несколько слов, протянул Абисоному-аге, говоря:

– Это микстура, вроде розовой водички, будете пить через час по кофейной чашке. Горьковата, зато целительна.

– Очень хорошо.

– Забыл спросить: а какой у вас стул?

– Стул?.. Я же на диване сижу?!

– А!.. По утрам выходите? – спросил доктор, выразив свою мысль другими словами.

– Два дня прошло, как я здесь, и ни разу не смог.

– Правда?

– Зачем мне неправду говорить?

– Что ж, пропишу ещё одно лекарство.

Врач выписал рецепт и отдал его пациенту.

– Сперва примете вот это лекарство, – сказал врач, – чтобы завтра утром вы смогли... А потом и микстуру выпьете.

– Значит, выпью это твоё лекарство и завтра утром схожу?

– Да, обязательно.

– Вот это я понимаю! Но... а вдруг завтра опять гости придут и опять разговаряются?

– Гости не помеха.

– Как не помеха? Уж второй день выйти не дают – сидят, трещат часами. Но завтра утром я во что бы то ни стало вый-

ду, схожу снимусь...

Врач, сделав паузу, попытался выразиться ещё яснее:

– Я говорю, желудок у вас – как?

– Как у каждого, обыкновенный.

– Твёрдый?

– Кто его знает? По правде говоря, никогда у меня не было интереса узнать, твёрдый он или нет. Что за охота пустяками заниматься?

– Ну, хорошо, отлично! – встряхнулся врач, отчаявшись добиться ответа на свой вопрос. – Завтра утром приду навещу вашу милость.

– Можно.

– До свиданья, не огорчайтесь, примете несколько раз мои лекарства, и ваш недуг пройдёт.

– Спасибо.

Врач взял шляпу и уже уходил, когда Абисогом-ага сказал:

– Не забудь, что написать обещался...

Врач стал вспоминать и, вспомнив, ответил:

– Да, да, я должен написать о вас в газете... До свиданья.

Как только врач вышел, Абисогом-ага заговорил сам с собой:

«Я боялся, как бы он вдруг не понял, что я не болен. Ведь тогда весь город узнал бы, что я притворился больным. Однако ж я зря боялся, ведь он не только не понял, что я здоров, но ещё и сказал, что от двух-трёх ложек его лекарств болезнь

пройдёт... Эх, лекари, лекари! Выходит, вы тоже ничего не смыслите в наших болезнях, и бабушка моя неспроста, когда болела, даже видеть вас не желала. Я здоров, господин доктор, здоров! Просто для того, чтоб имя моё напечатали и в других здешних газетах, взял и заболел».

Это последнее признание показалось Абисогому-аге своего рода дуростью, и он для успокоения совести добавил: «Чего доброго, со стороны могут подумать, что я и в самом деле не болен... Но ведь сколько уж дней мне и впрямь чего-то всё неможется, ни есть не могу, ни спать, вот и кашель какой-то напал, всю ночь мучал...»

О честолюбие! Значит, это правда, что подчас ты из умных делаешь дураков, а из дураков – умных?!

9

Чтобы немного перекусить, Абисогом-ага спустился вниз, но там он увидел нескольких, вероятно только что пришедших, визитёров и незаметно выскочил на улицу, иначе ему пришлось бы принять и этих посетителей, и тех, что пришли бы после, и тогда у него вовсе не было бы времени ни есть, ни спать...

Ещё до приезда в Константинополь, Абисогом-ага знал, что в Пера есть французский ресторан, куда ходят обедать преимущественно важные персоны, и поэтому, выйдя из дому, он решил прямо направиться в упомянутое заведение.

Едва он сделал несколько шагов, как перед ним вырос худой, лет пятидесяти человек в потрёпанном сюртуке.

– Сдаётся мне, что вы и есть Абисогом-ага? – сказал худой человек.

– Да.

– Не уделите ли мне несколько минут вашего времени?

– Да...

– Я, видите ли, издал ряд учебников, во многом изложенных мной в новом духе, и вот приблизительно штук сто из них, разумеется, сто экземпляров, я хотел бы предложить вам... Простите, что дерзаю... Однако до дерзости этой нас довела нация, которая не поддерживает своих преподавателей и позволяет им влачить жалкое существование. Ах, если

мне не удастся сегодня же сбыть свои учебники, проклятый типограф бросит меня в тюрьму. Я ещё не расплатился ни за бумагу, ни за печать, и он грозитя...

– Для чего мне учебники?

– Ну, подарите вашим друзьям, родственникам. Умоляю вас, уважьте мою просьбу, по шести пиастров это составит шестьсот пиастров, а такая сумма для вас ведь сущие пустяки.

– В какую сторону идти к французскому ресторану?

– Идти прямо. С удовольствием провожу вас туда.

– Буду благодарен.

– Как раз и побеседуем... У нас, ваша милость, преподавателей, можно сказать, ни в грош не ставят. Между тем, будучи слугами нации, они одновременно и отцы её. Это благодаря им она идёт вперёд и развивается. Но кто учитывает это? Никто!.. Да, тяжела у нас участь преподавателя. Сегодня определили его на должность, и он рад, счастлив, а через несколько дней, глядь, выпроводили из школы. Причина: попечителю поклонился не в пояс. Прослужи он несколько месяцев, не получая денег, и попроси потом в один прекрасный день хотя бы часть причитающегося ему жалованья, – его уволят. Причина: требовал денег... То и дело его ещё и попрекают куском хлеба: «Дармоеды! Сидите у нас на шее! Живёте на деньги нации!» Ах, Абисогом-ага, дорогой мой, нет, вы не знаете, как бедствуют преподаватели Константинополя! Наша бедность достигла своего апогея... Вот

вы и выслушали меня, и я думаю, что после всего сказанного вы не откажетесь купить сто экземпляров моих учебников.

– Этот ресторан очень далеко?

– Нет, уже близко... Но в таком положении здесь не только преподаватели; а наши авторы, редактора, типографы, книготорговцы, все те, кто кормится печатным словом, разве они не так же нищенствуют?! Трубим о прогрессе, а сами идём назад, славословим свет, а сами идём во тьму, призываем идти направо, а сами идём налево, говорим о будущем, а сами идём в прошлое... О, когда же мы перестанем принимать слова за дела!

О, суесловие!.. О, высокопарные речи вместо высоких дел!..

– А в этом ресторане хорошие обеды?

– Отличные... Вам сто учебников послать домой?

– Через несколько дней... отвечу.

Разговаривая таким образом, собеседники добрались до ресторана.

– Пожалуйста, милости просим, Абисогом-ага, входите, – говорит учитель.

Абисогом-ага входит в ресторан и ничего, кроме зеркал, вокруг не видя, всплескивает руками:

– Мы не туда попали, здесь зеркала продают.

– Нет, нет, мы в ресторане.

Наконец оба приятеля садятся за свободный стол.

Гарсон приносит листок с перечнем кушаний.

Абисогом-ага берёт листок в руки, разглядывает его, переворачивает, разглядывает и обратную сторону и кладёт на стол.

– Что будем есть? – спрашивает учитель.

– Я – жареную баранину.

Учитель подзывает обслуживающего мальчика к столу и заказывает кушанья, как Абисогому-аге, так и себе.

– Скажите, Абисогом-ага... теперь, когда вы уже знаете, в каком они положении, учителя наши, вам не жалко их?

– Жалко.

– Тогда я спрашиваю: подобает ли целой нации безразлично взирать на то, как прозябают её учителя?

– Не подобает.

– Хотите, я сегодня же вечером доставлю вам мои учебники?

– Оставь их пока у себя, об этом поговорим после.

Гарсон приносит заказанные кушанья, Абисогом-ага, перекрестясь, съедает в два приёма своё жареное, потом, обратившись лицом к учителю, говорит:

– Кусочком мяса разве наешься? Скажи-ка этому мальчишке, чтоб мне побольше принёс.

Мальчик подбегает к столу, и учитель заказывает пилав¹⁴.

В это время в ресторан входит полноватый, среднего роста молодой человек с пакетом в руке, и, оглядевшись, направляется к столу Абисогома-аги.

---

¹⁴ Пилав – восточное кушанье из варёного риса с мясом; плов.

– Кажется, говорит непрощеный гость, – я имею честь видеть Абисогома-агу?

Абисогом-ага, недоумевая, молча смотрит на стоящего перед ним незнакомца. Молчит и сотрапезник.

– Кажется, – повторяет незнакомец, – имею удовольствие стоять перед тем большим человеком, который изволил посетить нашу столицу, дабы здесь... именовать себя меценатом?

Абисогом-ага, не осведомлённый в подобного рода тонких оборотах, берёт ложку и начинает уплетать только что принесённый ему пилав. Что же до учителя, то, полагая приход незнакомого красноречивым обстоятельством, могущим расстроить его дело, он предпочитает помалкивать.

– Кажется, – в третий раз повторяет непрощеный гость, я имею счастье находиться в обществе благороднейшего лица, чьё имя третьего дня я прочитал в одной из наших газет?

Абисогом-ага, занятый своим пилавом, продолжает безмолвствовать, и тот вынужден выразиться яснее:

– Кажется, это вы, ваша честь, Абисогом-ага?

– Да.

Молодой человек садится.

Мальчик подбегает к столу и спрашивает у нового клиента, что подать.

– Яичницу, – отвечает новый клиент, положив свой пакет на свободный стул.

Абисогом-ага приканчивает и пилав и заказывает поджа-

ренную па углях рыбу.

– Эх, Абисогом-ага, великим счастьем почитаю сидеть за одним столом с добрейшим из моих соотечественников. Ваш покорный слуга причисляется к представителям национальной интеллигенции, причём, пожалуй, и немного поэт... Я – автор ряда драм, и желал бы хоть по двадцать экземпляров каждой из них преподнести вам.

– О! Кого я вижу!.. – восклицает вдруг некто с улыбающимся лицом, устремляясь к Абисогому-аге. – Моё почтение! Добрый день!

– Добрый день.

– Я из наших отечественных адвокатов. Узнав о вашем приезде, поспешил засвидетельствовать... и сразу же попросить, чтобы вы все ваши тяжбы поручили мне...

– Тяжбы? У меня их нет.

– Если у вас нет никаких судебных дел, то зачем же вы приехали?

– Я по другому делу приехал.

– Нет, это представить себе невозможно! Вы, такой человек, и не имеете ни единой тяжбы? Это же не только невыносимо, но даже и, если угодно, бессовестно!.. Прошу прощения, однако полагаю, что у подобных вам лиц должны быть десятки, сотни судебных дел, ибо чем больше этих дел, тем меньше адвокатов, лишённых средств к существованию. Кому же как не вам затевать судебные дела?! Не нищим ли прикажете судиться?

– Я ни с кем не сужусь и не буду судиться.

– Удивительная вещь! Что, вы даже не намерены кого-нибудь отдать под суд?

– Ни за что! Никого упекать под суд не хочу, нет причины.

– Разве чтобы судиться, непременно нужна причина? Подайте какую-нибудь жалобу – и дело завертится.

– Ну, и что я от этого выиграю?

– Вы не выиграете, но ваш адвокат выиграет и будет бога молить за вас... Большие люди ныне поступают и так: дабы вспомоществовать адвокатам, на каждого, кто им чуть поперечит, подают в суд, требуя наказания за оскорбление личности.

– Я безобразий не люблю.

– Шучу, Абисогом-ага. Но шутки в сторону, – сказал адвокат, придав лицу серьёзное выражение. – Я слышал, что на пароходе вы с кем-то немного повздорили, и тот вас оскорбил, обругал обидными словами.

– Ничего этого не было.

– И что вы ему ответили не менее обидными словами.

– Я?

– И что потом вы оба от слов перешли к делу, и завязалась драка.

– Чушь!

– И что вы ударили его по голове.

– Неправда!

– А он дал вам пощёчину.

– Враньё!

– И что кто-то вмешался... значит, был и третий.

– Откуда же третий, коли и второго-то не было!

– Был и третий. И этот третий схватил вас за руку.

– Выдумка!

– И этот третий схватил и второго за руку.

– Чепуха!

– И, таким образом, ой вас разнял.

– Ерунда!

– Но вы не успокоились, вы решили подать в суд, так как недовольны, что вас разняли.

– Чушь!

– И, понятно, ищите искусного адвоката.

– Довольно врать!

– И, наконец, я слышал, что вы хотите видеть меня...

– Нет, не хочу!

– ...Чтоб я согласился вести вашу тяжбу. Собственно, поэтому я и пришёл сюда.

– Ты всё это от себя выдумал.

Тут за стол присаживаются ещё двое: один – чтобы подарить Абисогому-аге свою книгу, другой – подписать его на какую-то газету, и они тоже заказывают себе наилучшие блюда и уписывают их за обе щеки.

Абисогом-ага, мысленно проклиная себя за то, что чёрт дёрнул его прийти в ресторан, подзывает мелькающего между столами мальчика и требует принести счёт.

Минута – и мальчик приносит счёт на сорок франков. Сотрапезники тут же хором переводят их на турецкие деньги и сообщают Абисогому-аге:

– Сто семьдесят шесть пиастров.

– Сто семьдесят и шесть? Нет, столько я не съел.

– Да, вы съели меньше, но ведь сидящие за столом ваши гости тоже пообедали, – сказал адвокат, машинально взяв на себя функции защиты.

– Мы очень унизились в мнении Абисогома-аги, – сказал второй сотрапезник, – за наш обед – подумать только! – платит он.

– Мне стыдно за всех нас, мы не выполнили святого долга хозяев перед гостем, – сказал третий.

– Мы приносим извинения за нашу невежливость, – сказал четвёртый, – но мы уж не преминем, Абисогом-ага, пригласить вас на днях на обед.

Абисогом-ага, не отзываясь, отсчитал сто семьдесят и шесть пиастров, отдал их мальчику и, мрачный, насупленный, кинулся к выходу. Очувившись на улице, он молча поклялся господом больше никогда в жизни ни в какой ресторан не заходить.

Последуем, значит, за Абисогомом-агой, с которым мы ни на минуту до сих пор не расставались и не расстанемся впредь до конца нашей истории. Добросовестный читатель, видя в ней всё время почти одинаковые и никак не связанные друг с другом картины, несомненно, многожды уже задавался вопросом – почему это мы от Абисогома-аги ни на шаг, а про других персонажей, как только они исчезают из вида, тотчас забываем? Этот недостаток – впрочем, недостаток ли? – должно приписать не мне, а природе нашего материала, предмета изображения. У каждого такого предмета своя природа; природа одного – слёзы, природа другого – смех, этому свойственно убеждать, тому – волновать, и есть также предметы, которые могут быть выражены только прозой или, напротив, только стихами... Кроме того, каждый материал, помимо этой общей, присущей ему природы, имеет и свои особенные свойства. Но мы не намерены давать здесь урок риторики, и посему лишь весьма коротко поясним эту нашу мысль и затем вновь приступим к делу... «Мизантроп» Мольера – комедия, его «Докучные» – тоже. Но особенные свойства каждой из них до того различаются между собой, что Мольер не сделал бы Мизантропа, прибегнув к средствам, коими пользовался, создавая Докучных, и наоборот. Кстати сказать, с помощью средств, послуживших мне

для создания моих других повествовательных сочинений, я тоже, естественно, не написал бы моих Попрошаек, природа которых – при появлении Абисогома-аги становится невидимыми.

Должен сознаться, что из данного материала Горации сделал бы сатиру, а Мольер комедию, если б он оказался в их распоряжении, но мы, поскольку надобно же как-то жить, вынуждены, принаравливаясь к обстоятельствам, нередко переделывать панталоны в жилет, а комедию в повесть... Обратимся к Абисогому-аге.

Наш герой, как мы помним, возвращался восвояси в крайне возбуждённом состоянии. Придя домой, он сразу иЗвестился, что на его имя пришло около двадцати писем. Он поднялся к себе, перечитал все эти письма одно за другим, изорвал их в клочки и швырнул на пол. Затем, походив некоторое время по комнате, он вдруг остановился и стал кричать:

– Они хотят натянуть мне нос и обобрать меня! С той минуты, как я приехал в этот город, я ещё ни разу не был один. Кто-то уйдёт, сейчас приходит другой, и каждый просит денег. Или я приехал деньги свои раздавать? Что за нахальные люди живут в этом Константинополе! Не знаю, что и делать. Гнать их в шею? Но их же вон сколько! Были бы здесь мои слуги, вряд ли и они успевали бы закрывать перед ними двери... Кроме того, начни я выгонять этих негодяев, по всему юроду сплетни распускают, человек я, мол, неотёсанный, гру-

бый, а впридачу даже и безденежный... Чего только не выдумают, ежели захотят! А я не хочу, чтобы в этом городе плохое обо мне говорили. Господи, помоги моему горю! Угораздило же меня сюда податься! Нет, задерживаться здесь больше нельзя, надо скорей найти себе девушку, сесть на пароход и удрать. Тут и разориться недолго... Я ведь приехал не для того, чтоб раздавать свои кровные деньги.

– Сегодня вы, кажется, чем-то расстроены? – сказал Манук-ага, тихонько приоткрыв дверь и войдя в комнату.

– Расстроены! Да другой на моём месте от злости лопнул бы!

– Что случилось, душа-человек?

– Разве ты не видишь – что? Нигде не дают мне покоя. Сижу дома, вваливаются, денег просят; выйду на улицу, обступают, денег просят... Скажи мне, бога ради, куда же мне деться от этих людей!

– Ты прав, прав, я понимаю тебя... Я вот никак не могу историю свою закончить, а это ведь тоже из-за них.

– Я только что изорвал двадцать писем.

– О чём же они говорили в этих письмах?

– Один – что хотел бы поехать со мной в Трабзон, учительствовать у меня дома, другой – что книгу свою подарить мне собирается... за двадцать золотых, третий – не соглашусь ли я подписаться на его газету два раза... Всего не перескажешь... Нет, я больше не могу!

– Все они нищие, вот в чём беда. Им тоже ведь надо чем-

то жить?!

– Так пусть бы другим каким делом занимались, работать научились, или пускай хоть вовсе ничем не занимаются! Я-то не виноват, что они бедные? Или, может, всё своё богатство взять и отдать им, а?

– Зачем же?

– Ни стыда, ни совести у людей. Пойти к незнакомому человеку и сказать: здравствуй, дай мне немного денег... Ты мог бы так, Манук-ага?

– Упаси бог.

Дверь в который уж раз отворилась, и в комнату вошёл человек лет двадцати пяти. Он направился неверными шагами к Абисогому-аге и подал ему письмо, и Абисогом-ага, не распечатывая конверта, сердито спросил:

– Чего тебе надо?

– Там написано, – проронил молодой человек.

– Скажи сам.

– Завтра вечером я играю в бенефисном спектакле, сбор с которого пойдёт в мою пользу. И вот я самолично принёс вам, ваше степенство, билет в ложу.

– Не хочу! – отрубил Абисогом-ага и, скомкав письмо, бросил его в лицо бенефицианта.

– Принуждать нельзя, – сказал Манук-ага.

– Вот уже десять лет я хожу по сцене театра... – тоскливо проговорил молодой человек.

– А ты бы сидел! – вскричал Абисогом-ага.

– И служу нации

– А ты бы не служил, а сидел бы барином... И все эти речи твои – пустое.

– Он прав: пустое говоришь, – подтвердил Манук-аха.

– Вот уже десять лет, как на подмостках театра – этой школы нравственности – я учу нацию...

– Мне-то что?

– Ему-то что? – отозвался Манук-ага.

– И потому я вправе, кажется, пригласить на мой спектакль благороднейшего из наших соотечественников.

– Мне он не нужен.

– Ему спектакль не нужен, – подчеркнул Манук-ага.

– Если даже вы отказываетесь взять один билет, кому же я вручу все остальные билеты в ложу?

– Меня это не касается.

– Его это не касается, сын мой, – посочувствовал Манук-ага

– Умоляю, не откажите принять этот билет, в противном случае вы невольно выставите меня на позор.

– Вот привязался! Знал бы кто, как мне осточертели все эти слова!

– Ему осточертели все твои слова, – поддержал Манук-ага.

– Ах, если мне придётся уйти от вас с пустыми руками, я умру!

– У меня нет времени слушать тебя, пойми.

– Пойми, ему некогда слушать тебя, – сказал Манук-ага.

– Дело идёт всего-навсего об одном золотом, возьмите, умоляю вас, этот билет. Я шёл сюда с большой надеждой, и мне было бы горько уйти ни с чем.

– Выйди отсюда, уходи, ради бога. Долго мы ещё будем слушать тебя?

Дверь снова отворилась, и в комнате появился лет пятидесяти мужчина, плотный, с сединой в шевелюре, который, сразу же подступив к Абисогому-аге, спросил:

– И тебе не стыдно?

– Почему мне должно быть стыдно? – отвечал Абисогом-ага, опешив.

– Почему вот уже два часа ты не отпускаешь бедного юношу?

– Кто его здесь держит? Наоборот: гоню – не уходит.

– И никуда не уйдёт... пока не получит один золотой, который ты ему должен.

– Я ему должен?

– Да, должен! И если б он не сказал, что сегодня вечером возьмёт у тебя тот самый золотой, который ты занял, и отдаст его мне, я не напечатал бы ни афиш, ни билетов... Повторяю, вот уже два часа я жду не дождусь, когда же он спустится вниз и расплатится со мной за работу, а ты здесь изводишь его.

– Что это такое? Я – должен ему золотой? Ни в коем случае! Вот тебе и на!

– Вот тебе и на! – сказал и Манук-ага.

– Я вам не говорил, господин типограф, что имею получить долекая вил артист, – а сказал, что отдам один билет в ложу и получу один золотой.

– Зачем же ты обманул меня, обманщик?

– Чтоб афиши вовремя были расклеены.

– Значит, я тебе игрушка?

– Он тебе игрушка? – спросил и Манук-ага.

– Да нет, он типограф.

– Ах ты плут! Наглец! Жалкий мошенник!

– Вы сами! Ты сам!

– Нет, не я, а ты!

На этом месте словесная дуэль между артистом и типографом переходит в рукопашную, и Абисогому-аге с Мануком-агой едва удаётся заставить их прекратить драку.

– Вниз! – заорал Абисогом-ага, когда стороны поостыли. – Спуститесь вниз и деритесь там!

– Кто дал тебе право вмешиваться в нашу драку? Как вы смеете выставлять меня отсюда? Я хочу получить свои деньги при вас, там, где застал должника.

– Тогда спустись ты, – сказал Абисогом-ага артисту.

– Не спущусь... Вы же видели, что он тут вытворял у вас на глазах?

– Пока он не спустится, я с места не сдвинусь, – отрезал типограф.

– Тогда спустимся мы, Манук-ага, – сказал Абисогом-ага.

Артист упал на колени и, обняв Абисогома-агу за ноги, стал умолять, чтобы тот смиловался и дал ему один золотой. Абисогом-ага долго сопротивлялся натиску артиста, но наконец поняв, что спасенья нет, вынул из кармана, скрежеща зубами, один золотой и сунул его типографу в руку. И типограф, выговорив несколько благодарственных слов, моментально исчез. Вслед за ним, принесся извинения, упорхнул и артист.

– Ну, что ты на это скажешь, Манук-ага?

– Не нахожу слов.

– Сделай одолжение, спустись-ка вниз, запри двери да прикажи никого на порог не пускать.

– Хорошо.

– Хочу хоть эту ночь провести спокойно и поразмыслить о нашем деле.

– Дай бог.

– Скорее, как бы опять кто-нибудь не вломился.

– Иду.

Манук-ага не спеша спустился выполнять полученное им приказание, а Абисогом-ага прилёг и уронил голову на подушку, надеясь немного отдохнуть.

Лёжа на диване, Абисогом-ага заснул. Однако во сне он тяжело всхрапывал, ворочался и время от времени выкрикивал: «Убирайтесь вон, у меня нет больше денег!», из чего можно было заключить, что даже когда он спал, редактора, учителя и пииты продолжали его донимать. Так беспокойно проспав часа три, бедняга вдруг издал ужасный крик и открыл глаза. Полагаю, что разбужен он был, вероятно, одним из редакторов, схватившим его за горло и грозившимся удушить, «если вы не сообразовываете подписаться на мою газету...» «Господи, помилуй... здесь не отдохнёшь», – простонал, протирая глаза, Абисогом-ага.

Потом, встав с дивана, он зажёл лампу и крикнул Манука-агу, чтобы тот принёс ему поесть. Минут через пятнадцать еда была подана; за едой последовала чашка кофе, а после кофе пришло время сна. Абисогом-ага разделся и лёг в постель. Надо ли говорить, что и на этот раз сон у него был не сладкий- Проснулся он рано утром, быстро умылся, оделся и, выйдя из дому, решительно направил стопы в мастерскую господина Дереника. Мастерская была ещё закрыта, и вследствие этого Абисогом-ага побродил по улицам Пера, поглазел на прохожих.

В четыре часа (по турецкому времени) мастерская открылась, и наш герой, поднявшись на приступок, вошёл в

небольшое помещение, стены которого были сплошь завешаны фотографиями различных размеров; сам Дереник, сидя за столиком, читал газету.

– Добро пожаловать, Абисогом-ага, милости прошу, садитесь, пожалуйста, вот сюда, – сказал Дереник, встав и положив газету на столик. Затем он оборотился к сидевшему рядом с ним писарю и знаком велел позаботиться о кофе.

– Я тороплюсь, снимай портрет здесь да поскорей, – сегодня у меня много важных дел, мне нужно с несколькими большими людьми повидаться.

– Извольте, воля ваша.

– Я тебе говорил – хочу, чтобы портрет был богатый. Сделай так: я сижу в кресле, передо мной – двое моих слуг и одна служанка... И будто я не здесь, а в своём имении, а вокруг меня по эту сторону чтобы, скажем, пахали, а по другую – доили коров, тут паслись овцы, там сеяли, тут жали, там косили, тут заквашивали молоко, там собирали арбузы, тут сбивали масло, там утки в озере плавали, тут в лесу чтобы рубили дрова, там на возах пшеницу везли, там... словом, всё, что есть в имении, пускай и на моём портрете будет.

– Эти ваши желания исполнить невозможно, могу лишь, пожалуй, двух-трёх слуг поместить...

– Почему невозможно?

– Ну так, невозможно.

– А в каком виде у тебя большие люди снимаются?

– Сидя в кресле, или во весь рост, или...

– А маленькие люди, значит, по-другому?

– Мы уже говорили: у больших портреты соответственно побольше и блестящие.

– Мой, конечно, тоже будет, как у них?

– Да.

– Я буду стоять? Сидеть?

– Как изволите.

– По-твоему, как было бы лучше?

– Вам прилично стоять.

– Ну, хорошо. А слуги – напротив меня?

– Да.

– Пускай так: я вроде бы кричу на них, а они молчат, под ноги себе смотрят.

– Прекрасно.

– Я вроде бы и бить их начинаю, но злость проходит.

– Вы это хорошо придумали.

– Одежда на мне – ничего?

– Ваше парадное платье – шик.

– У меня вот и другие часы... Можно их тоже повесить?

– Одних часов достаточно, больше – лишнее.

– За одежду я пятьдесят золотых дал. Будет ли видно на моём портрете, что этот шёлк дорогой, первый сорт?

– Не беспокойтесь, увидят.

– Как это ты покажешь?

– Уж будьте уверены.

– Не подумали бы, что моя одежда всего два золотых сто-

ит.

– Вы напрасно изволите сомневаться, не подумают.

– Ну, хорошо.

– Я пойду в павильон и сделаю некоторые приготовления, через минуту пожалуйста туда же, ваша честь.

– Ладно.

– Если желаете, до того как приступим к делу, позову парикмахера, пусть подстрижёт, подправит и причешет вам волосы и усы.

– Позови.

Парикмахер приходит немедленно.

Подобострастно склонив голову набок, пятясь и шаркая ногой, он кланяется Абисогому-аге и принимает выжидательную позу.

– Подстриги мне волосы, посмотрим, умеешь ли, – говорит Абисогом-ага.

– Это наш долг, – отвечает парикмахер.

– Подправь как следует, потому что сейчас пойду сниматься.

– Слушаю! Аби...

– Моей голове, мил-человек, я даю очень большое значение.

– Вы говорите «я даю». Ещё бы вы не давали, достоуважаемый Абисогом-ага! От кого же и ждать, что он даст, как не от вас? Ах, кабы и я не имел бы другой заботы и...

– Живей подправляй.

– Знаю, знаю, что я виноват перед вами, – не смог вовремя прийти к вам с почтением. Но – обстоятельства... Именно обстоятельства не позволили, чтобы я исполнил этот мой долг и сейчас имел право... попросить у вашей милости...

– Потолкуем потом, причёсывай, видишь, человек меня ждёт.

– Ничего, подождёт... Попросить у вашей милости, если это возможно... пятьдесят-шестьдесят золотых. Я тоже ведь как-никак отечественный цирюльник.

– Что за пятьдесят-шестьдесят золотых?

– Пожалуйста, не сердитесь, я прошу ссудить вашему покорному слуге пятьдесят-шестьдесят золотых, дабы я послал эту сумму моему сыну в Париж, а он расчёлся бы с должниками, получил диплом врача, приехал домой, поработал несколько лет и вернул вам ваши деньги, конечно, с процентами. Но, знаю, мне нет смысла просить вас об этом, ибо я не смог явиться к вам с почтением. Вовремя приди я с почтением, сейчас я имел бы смелость просить вас удовлетворить мою маленькую просьбу, но так как я не смог прийти с почтением, вы, ясно, вправе отказать, будь я хоть трижды отечественный цирюльник.

– Некогда мне, братец, слушать такие речи, лучше побыстрее делай своё дело... Что за чудной город!.. «Добрый день». – «Доброго здоровья». – «Дай мне денег». Тут ни с кем просто так и поздороваться-то нельзя! Господи боже, упаси и помилуй!.. Но всему есть мера, эфенди... Да, пока

не поздно, надо отсюда бежать.

– Эфенди чем-нибудь расстроен? – сказал, входя в мастерскую священник в возрасте между пятидесятью и шестидесятью.

– Сил нет терпеть, святой отец!

– Моё вам благословение, душа моя; хоть вы меня не знаете, но мне давно и хорошо известно, кто вы. Как чувствуете себя? Надеюсь, недурно?

– Если честно, – плохо.

– Не дай господи... Бог даст, скоро будет ещё лучше... Хотел бы несколько минут побыть наедине с вами... (Парикмахеру) – Оставьте нас ненадолго. Я и за тебя словечко замолвлю. Узнаю от эфенди, чего ты хочешь, и походатайствую, чтобы он поспособствовал... Мол, господин брадобрей, сами понимаете, тоже наш соотечественник, в его жилах тоже кровь Гайка течёт, и не воздать ему должное – грех. (Парикмахер уходит.) Я не без причины, само собой, пожелал поразговаривать с вами без свидетелей, – продолжал поп. – Вы решили жениться... Да и почему бы вам не жениться? Узнав о вашем намерении, я очень обрадовался. Ещё бы не обрадоваться! Ведь когда женятся такие, как вы, в нашей нации впоследствии богатых мужчин становится больше. Вы, конечно, ищете хорошую девушку. И нельзя не искать, надо. На вашем месте я бы тоже искал... И, конечно, хотите, чтоб она из богатого дома была? И правильно делаете. Жениться на бедной, безденежной, признаться, тоже не бог весть что...

Которые из барышень могут меня послушаться, как раз все такие: и хороши собой, и богаты.

– Благодарствую, на днях и пойдём посмотрим, каковы они. А хочешь, чуть подожди, вот снимусь, и тогда прямо отсюда и отправимся. Скажу откровенно – у меня в этом городе другого дела и нет. Я приехал найти себе невесту, побуду здесь ещё несколько дней, найду – обручусь и вместе с ней уеду, не найду – всё равно уеду, потому как здесь у меня ни минуты покоя, и я очень устал...

– Вы правы, да и времена нынче худые, эфенди, денежный кризис, невиданный денежный кризис царит повсюду... И в нации нашей бедных всё больше и больше. Одним словом, я подожду вас, и когда освободитесь, сразу и отправимся.

– А этот каналья пришёл подправить мне волосы и вдруг исчез

В эту минуту господин Дереник выскакивает из внутренней комнаты и говорит:

– Пожалуйста в павильон!

– Но мои волосы...

– Не беда, я причешу.

– Но мои усы...

– Ничего, я подстригу.

Дереник препровождает Абисогома-агу в павильон.

Священник, оставшись один, начинает рассуждать сам с собою о следующем... Но как мы можем догадаться, о чём именно рассуждает человек сам с собою? Единственно по

выражению его лица. Человеческое лицо большей частью красноречиво, и как богатым, так и бедным оно нередко заменяет язык.

Лицо попа говорило: «Каким же манером выманить у этого христианина немного денег, чтоб запасти на зиму дров и угля?..»

Поп, несомненно, думал как раз об этом, когда в мастерскую снова впорхнул парикмахер и сказал:

– Святой отец, ты мне всю обедню испортил. Не ты, мне б наверняка удалось выпросить у этого красавца несколько золотых, говорят – он щедрый, многим редакторам и учителям уже по сколько-то дал.

– Брат мой, из-за них-то нам, беднякам, и не перепадает ни гроша из карданов заезжих господ. Не успеет иной новоприезжий оглянуться, как он уж в руках редакторов, учителей, всей их учёной братии... Будь они прокляты!

– Ну, что же нам сейчас делать?

– Я походатайствую за тебя, а ты порадей мне, так и урвём хоть по мелочи от этого Абисогома-аги.

– Уговорились.

– Когда мы отправимся, дорогой я ему скажу, ублаготвори, дескать, нашего цирюльника, ибо он вхож в любые богатые дома и, коли захочет, может в два счёта дело твоё расстроить.

– Какое дело?

– Он же богатую невесту ищет.

– Ясно. А я ему скажу: кроме как нашему священнику, никому не доверяйся.

– Очень хорошо.

– Это верный путь.

– Простак он, слишком наивный.

– Да, доверчивый... Но его обобрали, эфенди, ободрали его! Поздно мы с тобой спохватились.

Абисогом-ага с радостным видом возвращается в комнату, где между цирюльником и попом шёл вышеприведённый разговор.

– Простите мне мою просьбу, Абисогом-ага, – говорит парикмахер. – Я думал, что я тоже, со своей стороны, мог бы вам услужить.

– Не мешает вам знать, Абисогом-ага, – говорит священник, – что господин парикмахер вхож почти во все богатые дома нашей столицы и, следовательно, знаком со многими богатыми невестами.

– Неужели?

– А сам он весьма и весьма благочестивый человек, так что вы отзовитесь на его просьбу, сжальтесь.

– Не отпускайте от себя досточтимого батюшку, если вы имеете в виду жениться. Молодые люди, женившиеся при его участии, всегда оставались довольны... Я рад, что ваше дело попало в руки такому дельному и многоопытному пастырю, как наш батюшка. Не сомневаюсь: в супружеской жизни вы будете счастливы.

– Но вы мне поможете в моих хлопотах, господин парикмахер, не так ли? – спрашивает священник.

– Да, но... что в моей власти?

– Ваше содействие необходимо.

– Ну, сделаю, сделаю всё.

– Спасибо вам... Абисогом-ага не иностранец, а наш соотечественник. Приехал жениться. И помочь ему в этом – наш долг!

– Конечно. У меня к Абисогому-аге нет никакой неприязни; или там ненависти, тем более что человек он жалостливый и добродетельный.

– Говорить это в лицо неловко, однако человек он исключительный.

– Превосходный!

– Стоит только посмотреть на него, сразу видишь: весь само благородство.

– Кто же полагает, что наоборот? Я ему не враг.

– Значит, при случае вы отзовётесь о нём с наилучшей стороны?

– Непременно.

– Абисогом-ага – человек бывалый, и он вас вознаградит.

– Слушаю! С радостью готов сию же минуту... Ах, лишь бы сын мой получил свидетельство!

– Через пять дней, Абисогом-ага, через пять дней ваши фотографии будут готовы, – сообщил Дереник, выходя из своего павильона.

– Очень хорошо, – ответил Абисогом-ага и вместе с попом и цирюльником вышел из мастерской господина Дереника.

Госпожа Шушан, которую читатель, надеюсь, ещё не забыл, узнав, что священник разыскивал Абисогома-агу и вслед за ним помчался в мастерскую Дереника, не медля ринулась туда же, с целью не дать перехватить свою добычу, и дула вперёд до тех пор, пока не оказалась в нескольких шагах от священника, уже успевшего ловко спровадить цирюльника и теперь рекомендовавшего сотоварища в следующих выражениях: «Ушёл шельмец... Прошу прощения, что я должен был раньше сказать вам правду, но не сказал... Этот брадобрей – известный всем плут и вымогатель... Не помню ни одного новоприезжего, у которого он не выклянчил сколько-нибудь денег. Словом, негодяй, каких мало. Будучи исповедником, долгом своим считаю остеречь вас от людей, кои ищут сблизиться с состоятельными господами исключительно ради корысти. О, я ненавижу их!»

– Благодарствую за ваше добросердечие и человеколюбие.

– Не потворствуйте им. Подобным прохвостам только повадку дай...

– Нет, не буду.

– Не скажете ли вы мне, святой папаша, какое у вас дело до Абисогома-аги? – спрашивает вдруг госпожа Шушан, как вы знаете, нагнавшая своего конкурента уже вблизи мастерской Дереника.

– Одно маленькое дело.

– Нет, ты не должен иметь до него никакого дела. Ты выполняй уж, будь добр, свои обязанности, а в чужие не суйся. Постыдился бы! Пойдёмте, Абисогом-ага!

И госпожа Шушан тянет Абисогома-агу за правую руку.

– Нет, это ты постыдись! У нас с Абисогомом-агой дельце есть. Пойдёмте, Абисогом-ага!

И священник тянет Абисогома-агу за левую руку.

– Святой отец, а ведёт себя как не подобало бы и всякому смертному.

– Замолчи!

– Не замолчу!

– Отпусти мою руку! – говорит Абисогом-ага.

– Не отпущу! – отвечает госпожа Шушан. – Вы со мной пойдёте!

– Нет, он со мной пойдёт! – настаивает священник.

– Из-за нескольких сот пиастров ты хочешь сделать этого мужчину несчастным?! Ты в девушках не смыслишь.

– Не ори. Позволить вам ограбить нашего благородного гостя? Ты этого добиваешься?

– Зачем вы дерётесь, люди? Вам не стыдно? Я не хочу никакой девушки!

– Нет, – отвечает госпожа Шушан, – я найду вам хорошую девушку, но если вы решили, чтоб её искал святой папаша, то для вас это кончится... бесчестьем.

– Наоборот, если жених ищет себе невесту через священ-

ника, значит, он дорожит своей честью... Пойдёмте, Абисогом-ага.

– Не позволю!

– Пойдёмте, Абисогом-ага.

– Не позволю! Он никуда не уйдёт, нам с ним на смотрины пора...

Вся эта сцена происходила возле мастерской Дереника, на глазах у небольшой толпы зевак, исполнявших роль зрителей, и она ещё продолжалась, когда Манук-ага, вынужденный непременно разыскать Абисогома-агу, оказался здесь, увидел Абисогома-агу, которого за одну руку тянул за собой священник, за другую – госпожа Шушан, помог ему вырваться из рук этих злодеев, обозвал как попа, так и сваху бранными словами и с криком прогнал их прочь.

– Ах, – сказал Манук-ага, обратившись затем к Абисогому-аге, – а ведь во всём виноваты вы: поблажаете им, а все они лишь для того сгибаются перед вами, чтобы попользоваться от вас.

– Это правда?

– Зачем мне врать? Затеяли жениться, да? Ну и прекрасно. Я найду вам девушек, выберете из них, какая вам больше понравится, да и возьмёте её в жёны.

– Ты прав.

– Я покажу вам девушек из самых почтенных семейств.

– Покажи.

– Прошли те времена, когда невест через посредников ис-

кали.

– Да?

– Это даже стыдно, в конце концов!

– Коли стыдно, мы сами найдём.

– Я помогу вам выбрать девушку на ваш вкус.

– Благодарствую.

– А для начала дайте мне пока пятьдесят золотых.

– Что? Не понимаю.

– Я говорю дайте мне пятьдесят золотых.

– Как? Зачем?

– Аллах, аллах! Раз говорю, значит, знаю зачем. Неужели вы думаете, возьму ваши деньги и бесследно исчезну?

– Не исчезнешь, но всё же...

– Бойтесь дать мне пятьдесят золотых, а с вас уже и так не меньше причитается... Вы нас в большие расходы ввели.

– Откуда? Что за расходы такие?

– Я же не мог всё подряд записывать! Супруга моя знает.

Но оставим сейчас этот вопрос.

– Нет, не оставим... Пятьдесят золотых... Сколько дней, как я?..

– Послушайте, я признанял у одного денег, сегодня он потребовал вернуть ему долг, без ножа зарезал, если завтра не верну, нас выселят из дому. Это будет позор для меня, но и вам не сделает чести. Дайте мне пока сколько прошу, а расчётами займёмся после.

– Господи владыко, какая срамота!

– А когда найду вам барышню, за посредничество ничего у вас не возьму. Дайте же мне эти пятьдесят золотых, ну дайте.

– Почему? Что я тебе сделал?

– Почему? Вы не понимаете простых вещей. Сожалею об этом. Сделайте, что я вам говорю. Ну, почему вы отказываете в пятидесяти золотых?

– Не дам! И сегодня же уйду из твоего дома!

И, разговаривая таким образом, они быстро шагали по улице.

– Добро бы дело шло о крупной сумме, а то – пятьдесят золотых! Право слово, не ожидал я от вас, надеялся...

– Не надейся!

– Стоит ли вам спорить из-за пустяков? Нет, не вяжется это с вашим именем, с возвышенностью вашей души.

– Сегодня же заберу мои сундуки и уеду!

– Уехать вы можете, но только как дадите пятьдесят золотых.

– Не дам!

– Дадите!

Продолжая пререкаться и горячиться, они оба подошли к дому № 2 и у его ворот встретили священника, цирюльника и госпожу Шушан.

– Уходите! Убирайтесь вон! Видеть вас не могу!.. О господи! закричал Абисогом-ага, увидев эту компанию.

Потом он вошёл в дом, хлопнул дверью, поднялся к себе и,

к удивлению хозяйки, начал увязывать своё добро в сундуки.

– Почему укладываетесь, ваша милость? – спросила хозяйка.

– Уезжаю! Должен уехать! Не хочу жениться – передумал!

– Вас рассердили?

– Нет!

– Но вы так расстроены...

– Не расстроен!

– Абисогом-ага, дорогой, Манук-ага должен был попросить у вас пятьдесят золотых... Попросил?

– Попросил.

– Мы ошиблись...

– Да? Ошиблись?

– Да. Не пятьдесят золотых, а сто пятьдесят мы хотели бы получить. Сделайте нам, друг мой, это добро, и мы по милости вашей великой из долгов выйдем...

Тотчас после слов хозяйки, словно по мановению волшебного жезла, Абисогом-ага перевязывает сундуки, выбегает из дому, приводит носильщиков, взваливает на них свою поклажу и вместе с ними снова выскакивает на улицу.

Цирюльник, священник, госпожа Шушан и Манук-ага следуют за ним по пятам до... дверей гостиницы, и здесь Абисогом-ага скрывается из виду, и преследователи его, кроме Манука-аги, расходятся в разные стороны, а Манук-ага предстаёт перед Абисогомом-агой, с тем чтобы домогаться удовлетворения своих денежных претензий.

И с той поры Абисогома-агу больше никто не встречал. Известно также, что после входа его в гостиницу, несколько недель подряд у её дверей ежедневно показывались редактора, стихотворцы и другие авторы с прижатыми под мышками толстыми пакетами.

Таким образом, человек, приехавший в Константинополь приискать невесту и жениться, даже не посватался – за отсутствием времени – и поспешно покинул столицу, или, что называется, едва ноги унёс. Но неизгладимую память оставил он по себе в умах просвещённых соотечественников.

Стоит лишь сойтись где-нибудь несколькими авторам, как они уже говорят: «Да, задали мы страху Абисогому-аге!» – и прыскают со смеха.

А когда эти же авторы испытывают муки безденежья, они говорят: «Господи, пошли нам одного Абисогома-агу!» и мысленно добавляют: «Ищите Абисогома-агу, остальное приложится».

Богачи тоже нет-нет, да и поминают его. «Я вам не Абисогом-ага», – урезонивает иной из них нашего интеллигента, обратившегося к нему с просьбой оказать покровительство.

Мы же, не представившиеся Абисогому-аге, публикуем сие произведение не столько с целью осуждения и осмеяния отечественных редакторов, поэтов и других авторов, как из желания показать грядущим поколениям плачевное бытие интеллигентов нашего времени и ужасное равнодушие толстосумов к национальной культуре.